

была истоптана и повалена. В роскошной лазури плавали стервятники. Деникин поглядывал на извивающиеся по полям — через древние курганы и балки — линии окопов, из них торчали руки, ноги, мертвые головы, мешками валялись трупами. Он находился в лирическом настроении и, полуобернувшись, чтобы к нему подскакал адъютант, проговорил раздумчиво:

— Ведь это все русские люди. Ужасно. Нет полной радости...

280. А. ВЕСЕЛЫЙ

Летом и осенью — речь идет о восемнадцатом году — Армавир несколько раз переходил из рук в руки... Сводно-офицерская, или, как потом ее звали на фронте, «Золотая дивизия», вломилась в город и укрепилась в нем. Отсюда Деникин намеревался сокрушить расеченную надвое Одиннадцатую армию. Красному командованию Армавир был важен как железнодорожный узел, связывающий батальонный фронт со Ставропольем. Вымученных беспрерывными походами, но еще полных задора партизан тоже манили огни города: там всякий думал приодеться, перековать коня, там — отдых, баня, жратва... Партизаны ворвались в город со всех сторон. Офицеры защищались до последнего... Бойцы, гогоча и матерясь, читают наклеенный на фонарный столб вчерашний приказ начальника гарнизона: «Во всех церквях г. Армавира после божественной литургии приказываю отслужить панихиду по бывшему императору Николаю II, павшему жертвой грязных рук большевиков»...

3.4. Боевой восемнадцатый год: генерал в политической сече

3.4.1. Как и почему поссорились Антон Иванович и Петр Николаевич

281. А. И. ДЕНИКИН:

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом. На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, генералом

Красновым, с другой — генералом Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском, в качестве «верховного вождя Южной Российской армии»¹ брал на себя задачу — ее руками — освободить Россию от большевиков и занять Москву...² На этом же пути стояла другая сила — пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего верховного генерала Алексеева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческая армия. Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил и обе не могли пронести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба — методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению Вооруженных Сил Юга путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устраниТЬ со своего пути Добровольческую армию; какими средствами — безразлично.

...Я шел с армией походом³, вел ежедневно кровавые бои, требовавшие большого нравственного напряжения и известного душевного равновесия... А из нашего тыла, из Новочеркасска, все чаще шли вести, возмущающие и волнующие. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесных и письменных излияниях не в меру злобствовавших ненавистников Добровольческой армии. Атаман в заседаниях правительства, в речах и беседах, командующий Донской армией генерал Денисов⁴ публично в офицерских собраниях поносил и Добровольческую армию, и вождей ее. Поносили все — нашу стратегию, политику нравственный облик начальников и добровольцев. «Достоверные сведения» о полном развале Добровольческой армии были любимой темой донских руководителей.

В последних числах июля кубанский атаман прислал мне поступившую к нему от генерала Краснова для подписания декларацию Доно-Кавказского союза. Некоторые положения этого акта являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание «суворенного государства» в корне противоречило идее Единой России... Создание вооруженных сил Союза, имеющих задачей «борьбу с большевистскими войсками» лишь «на его территории», лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя

спасения России. Генерал Алексеев, я, тысячи офицеров, поступавших сознательно в армию, не могли относиться к подобным актам только как к «политическим трюкам» или «клочкам бумаги»: практика новообразований с явным превалированием чисто областных интересов, до стремления к примирению с большевиками включительно, не вызывала в этом отношении сомнений. Добровольческой армии предстояло или стать орудием сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругом и прежде всего изменчивым настроением казачества, или оставить территорию Союза, распростившись с надеждами на прочную политическую и военную базу, создание которой потребовало стольких усилий и жертв. Вернее — второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для русских добровольцев. Исходя из этих положений, я обратился с письмом к председателю донского правительства генералу Богаевскому. Привожу текст письма со сделанными на нем сбоку пометками атамана Краснова.

«Милостивый государь
Африкан Петрович.

Образование в октябре 1917 года «Юго-Восточного союза» в действительности осталось только на бумаге.

Успехи большевиков, развал казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Тереке не дали возможности провести в жизнь образование «Юго-Восточного союза».

Ныне обстоятельства вновь позволяют вернуться к мысли создать прочный и сильный Союз, могущий предотвратить новые испытания.

Изменению обстановки Дон и Кубань в значительной степени обязаны Добровольческой армии, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

(Пометка Краснова: «Армия вне политики».)

Добровольческая армия, имеющая задачей возрождение Единой Великой России, кровью своей сроднилась с Доном и Кубанью и далее, перед выполнением своей основной, исторической задачи, она поможет и Тереку освободиться от большевиков.

(Пометка Краснова: «Армия вне политики».)

При образовании «Юго-Восточного союза» в октябре 1917 года никто не имел никаких сепаратных стремлений, и авторы идеи Союза считали, что образование Союза необходимо лишь временно, до восстановления единой России.

Составленная же ныне правительенная декларация Доно-Кавказского союза вызывает самые серьезные возражения:

1. Прежде всего создается впечатление, что идет речь о создании постоянной федеративной державы, вполне самостоятельной, наподобие «самостийной» Украины.

(Пометка Краснова: «Это неверно».)

Авторы этой декларации как бы думали об узаконении расчленения России, а не об ее объединении.

2. Совершенно игнорируется Добровольческая армия, которая помогла Дону и Кубани в борьбе с большевиками.

Даже больше: пункт XIII дает право думать, что и Добровольческая армия, находящаяся на территории Союза, может быть признана враждебной.

(Пометка Краснова: «При чем тут Добровольческая армия?»)

3. Включение в состав Доно-Кавказского союза Ставропольской губернии, в которой уже введено управление распоряжением командующего Добровольческой армией, без особого представителя от губернии является недопустимым.

Эта губерния может быть включена в Союз лишь как полноправный член Союза, так как и по размерам, и по значению она является значительной, и интересы ее и Добровольческой армии должны быть вполне обеспечены особым представителем ее в Верховном совете».

Добровольческое командование, которое генерал Краснов считал злейшим своим врагом и опорой оппозиции, активного участия в борьбе донцов за атаманский пернач не принимало. В приветственной речи, произнесенной на Круге генералом Лукомским, не было сказано ни слова о наших трениях с атаманом. Лукомский выразил «глубокую уверенность армии в том, что все слухи о каких-то антирусских и сепаратных стремлениях отдельных лиц и групп на Дону являются злостной клеветой...» Он говорил еще об «объединении в общей работе по воссозданию единой, великой России и единой могучей русской армии...» Секретный наказ, данный мною генералу Лукомскому, «в вопросе о конструкции власти на Дону при тех исключительных условиях, в коих находится ныне область», требовал придерживаться следующих положений:

«1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегиями, необходима.

2. Круг должен обязать будущего атамана к прямому, честному и вполне доброжелательному отношению к Добровольческой армии.

3. Раскол среди политических партий на Дону, новые потрясения, подрыв и умаление атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если оппозиция не имеет прочной почвы под ногами и сильных кандидатов и считает нужным поддержать кандидатуру генерала Краснова, возражений со стороны Добровольческой армии не будет при соблюдении пункта 2-го.

4. Так как личная политика генерала Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией, то активной поддержки (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т. п.) оказывать отнюдь не следует.

Изложенное в пункте 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции.

5. Выделение отдельных частей Добровольческой армии на Царицынский фронт пользы не принесет, а среди разнородных элементов донских ополчений, астраханских организаций могло бы вызвать чреватые последствия. На Дону остались неиспользованными части новой Донской армии; длительность их подготовки значительно больше, чем мобилизованных Добровольческой армии.

Во всяком случае, Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии.

Незаконченность работы здесь подорвала бы в корне моральное значение Добровольческой армии и привела бы опять к «исходному положению», т. е. окружению всех границ Дона большевиками».

На Кругу между тем все более нарастало напряженное настроение... «Генерал Богаевский, — докладывал наш представитель в Новочеркасске, допущенный к присутствию во всех заседаниях Круга, даже закрытых, — несомненно, пользовался большими симпатиями Круга, и если бы баллотировался, то прошел бы лучше Краснова. Но было ли бы это лучше для Дона, сказать не могу: он слишком мягкий человек и вряд ли ему удалось бы справиться...» Наконец, на заседании 11 сентября вопрос разрешился: генерал Богаевский потребовал слова и заявил о своем категорическом отказе баллотироваться в атаманы... Атаманом был переизбран генерал Краснов.

...Взаимоотношения наши с донской властью с мая и до конца 1918 года определялись непримиримой позицией генерала Краснова в вопросе об едином командовании. Если огромный вред, приносимый отсутствием общего плана и разрозненностью действий белых армий во всероссийском масштабе (Север, Восток, Юг и Запад), не всеми сознавался достаточно отчетливо, то на общем по существу доно-кавказском театре эти тягчайшие нарушения основ военного искусства сказывались ясно и разительно на каждом шагу. Вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу вокруг него общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительство Согласия. Генерал Краснов суживает теперь весь этот вопрос большого прошлого до размеров «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова с Деникиным», которого он «не хотел признать», отрицательно относясь к его личным качествам, как государственного

деятеля и стратега... Наши взаимные характеристики могут быть несколько пристрастными... Отбросим личности. За ними стояло явление несравненно более крупного масштаба: вопрос шел о признании военного центра в борьбе Юга: «Дон» или «Добровольческая армия»? В глазах огромного большинства русской общественности первый представлялся началом областным, вторая — общегосударственным; в глазах правительства и командования держав Согласия Дон был недавним союзником — пусть даже невольным — немцев, а Добровольческая армия «сохранила верность Согласию до конца». Эти две предпосылки имели решающее значение в спорном вопросе. Были, очевидно, объективные причины — не только «интриги Екатеринодара», которые задолго до образования мощной организации — Вооруженных Сил Юга — привлекали в орбиту Добровольческой армии спутников из самых отдаленных краев разваленной России... В вопросе единого командования, и притом возглавляемого главнокомандующим Добровольческой армией, ссылись и союзные представители...

Я требовал нормального подчинения армий, чтобы иметь возможность дивизии и корпуса Донской, как и Добровольческой, армии перебрасывать на тот фронт, где это вызывается стратегической обстановкой... В художественном переложении атамана это требование преподносится казачеству в таком виде: «...полное подчинение вооруженных сил Дона с получением конницы казачьей с фронта и перемешиванием казачьих частей с частями добровольческими, иными словами: нарушение образа служения войска, толикою славою покрытого». Замечательно, что в то же время генерал Краснов, не боясь перемешивания, настойчиво просил о переброске добровольческих частей на Донской фронт, справедливо видя в этом единственное спасение Дона... Я добивался сосредоточения всего военного снабжения в одних руках для правильного распределения снабжения, доставляемого союзниками, для учета и регулирования потребности фронтов в хлебе и стратегических железнодорожных линий — в нефти и угле... Я писал Богаевскому о желательности объединения некоторых отраслей государственного управления, предложенного некогда самим генералом Красновым, это предложение превращалось в «полное подчинение всего Войска Донского с его населением и армией генералу Деникину...». Мои помощники, ведшие непосредственно переписку с атаманом, нервничали и положительно терялись от изумительных оборотов в посланиях атамана, извращавших самую элементарную сущность всяких вопросов.

Атмосфера между тем сгущалась все более и более. Ширился круг лиц, принимавших участие во взаимной распре военачальников,

осложняя своим вмешательством и без того тяжелое положение. Печать принимала все более резкий, нервный тон. Атаманский официоз «Часовой» возбуждал казачество против Добровольческой армии... Кубанские самостийные органы, сохрания в отношении генерала Краснова «вооруженный нейтралитет», травили меня и Добровольческую армию... Лично для меня эта борьба за приоритет Добровольческой армии, веденная вокруг моего имени, была до крайности тягостна. И в душе я готов был не раз помириться со всеми недостатками разъединенного фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнование, возбуждавшее общественные страсти, отзывающееся на фронте и ронявшее нас в глазах союзников. Положение мое было тем более трудным, что ни одна из известных мне русских общественных групп, ни одна область, ни одна армия, не исключая даже Донской, не выдвигали генерала Краснова на пост главнокомандующего соединенными силами Юга. А других претендентов на главнокомандование в ту пору еще не было.

...В начале декабря генерал Пуль⁵ обратился ко мне со словами:

— Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?

Я ответил:

— Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношений его к Добровольческой армии.

— Хорошо, тогда будем разговаривать.

Через день-другой Пуль прислал генералу Драгомирову копию своего ответа генералу Краснову на письмо, полученное от него 7 декабря:

«Я должен благодарить Вас за помощь и откровенное выражение Вашей точки зрения, хотя, к сожалению, я нашел, что Ваше мнение несогласно с моим по вопросу о назначении генералиссимуса для командования всеми русскими армиями, действующими против большевиков.

Я также намерен ответить совершенно откровенно.

Я должен указать Вашему Превосходительству, что я полагаю по вопросу о назначении главнокомандующего необходимым предварительно ознакомиться с мнением союзников, ибо, как я понимаю из Вашего письма, только при условии содействия союзников и получения от них снабжения, Вы считаете, что будете в состоянии двигаться вперед или даже только обороняться.

В полученных мною инструкциях моего правительства мне указано было войти в сношение с генералом Деникиным, как с представителем, согласно английскому мнению, русских армий, действующих против большевиков. Я сожалею поэтому, что для меня является невозможным даже рассмотрение вопроса о признании какого-либо иного офицера в качестве такого представителя.

Я вполне сознаю ту великолепную работу, которую Ваше Превосходительство так искусно выполняли с донскими казаками, и я смею поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воином, но и великим патриотом.

Если я принужден буду возвратиться и донести своему правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и, наверно, уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством генерала Деникина.

Как я уже словесно изложил князю Тундутову, я был бы рад встретиться с Вашим Превосходительством неофициально и обсудить все это дело, если бы Вы этого пожелали; и я мало сомневаюсь в том, что мы могли бы прийти к удовлетворительному решению.

В случае этой встречи меня сопровождал бы генерал Драгомиров — помощник главнокомандующего Добровольческой армии».

Свидание состоялось 13 декабря на границе двух областей, в Кущевке. После встречи двух поездов и длительного, довольно оригинального вступления, когда между «суворенным главой пятимиллионного народа» и «представителем великобританского правительства» шел спор о первом визите, состоялся, наконец, обмен мнений и намечены были общие основания возможного соглашения:

«1. Не объявлять об этом подчинении в приказе до той поры, пока, по заявлению атамана, мысль о необходимости подчинения Донской армии генералу Деникину не войдет в сознание казаков.

2. Избегать на первых порах отдачи категорических приказов, касающихся донских казаков, а заменять их «указаниями» о желательном направлении операции, с предоставлением права донскому атаману представлять на нем свои соображения.

3. Невмешательство высшего командования Добровольческой армии во внутреннее управление Донской армии, т. е. в назначение командного состава, производства в чины, призыва казаков и т. п.».

Эти условия, в сущности, сводили на нет единство командования, но, во всяком случае, признавали идею его, сдвигали вопрос с мертвой точки и давали основания для дальнейших переговоров. Они состоялись на станции Торговой 26 декабря. Их описал впоследствии генерал Краснов, переплетая правду с вымыслом и внеся в рассказ обычные особенности своего стиля: высокую самооценку свою личную и своих помощников, мудрых, красноречивых и государственно

мыслящих — прямую противоположность противникам, которым приписываются наивные по форме и содержанию речи, циничные взгляды и побуждения...

Нет надобности повторять те положения и доводы, которые сводились, с одной стороны, к определению нормальных форм единого командования, с другой — к полному отрицанию их на том главнейшем основании, что казачество с недоверием относится к «солдатским» (не казачьим) генералам и офицерам и что «гласное признание подчинения разложит Дон...».

— Отчего же вы мне предлагали пост главнокомандующего? — задал недоуменный вопрос генерал Щербачев...

Собеседование открыло такую бездну накопившейся ненависти к нам со стороны донского командования, что дальнейшие прения казались бесполезными. Дважды я прекращал переговоры, и дважды атаман и генерал Щербачев просили меня продолжить их: положение Донского фронта становилось трагичным, донская оппозиция росла в числе и в силе, и весть о разрыве могла отразиться действительно печально на судьбе фронта и атамана. Меня также заботила немало участь Донского фронта и одолевало искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какою угодно ценою. В силу этих побуждений появились на свет два акта:

1. Мой приказ (26 декабря 1918 г. № 1):

«По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

2. Приказ Донского атамана, отанный «во избежание кривотолков»:

«Объявляя этот приказ (мой, № 1) донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России, генерал-лейтенантом Деникиным, конституция Войска Донского, Большим войсковым Кругом 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией. Их должна была установить жизнь.

...В такое тревожное время собрался 1 февраля Войсковой Круг... После баллотировки отставка атамана была принята, и по донской конституции временная власть перешла к председателю правительства генералу Богаевскому.

Рано утром 3 февраля мой поезд подходил к Кущевке. Здесь на границе Донской области встретил меня бывший атаман, генерал Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, также желавших побеседовать со мной до выступления моего на Круге... В третий раз за время борьбы на Юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и донского казачества заслугами атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек, несомненно, одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов и нерасчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил: «Круг подчинится всякому вашему слову...».

282. А. И. ДЕНИКИН:

Правители Всевеликого даже на телеграмму о взятии для них Великокняжеской нашли возможным ответить... просьбой бензина. Затем ряд будирующих телеграмм, чтобы в Новочеркасск полки не ставить. Задонские гарнизоны изъяты из моего подчинения и т. д.\. ...

28. М. В. АЛЕКСЕЕВ:

...Принимая во внимание наличные наши средства данной минуты, Добровольческая армия будет нуждаться ежемесячно в июне и июле в помощи в размере двух миллионов рублей, а всего 4 миллиона рублей... Судьба связала с 26-го ноября 1917 года деятельность Добровольческой армии с жизнью Войска Донского. Ближайшее будущее не прервет эту связь, почему я с глубокой верой обращаюсь к вам с моей просьбою, надеясь, что оно поддержит жизнь армии... Генерал Алексеев

284. М. В. АЛЕКСЕЕВ:

Куда нам идти? На Кубань — гибель. На Кавказе малопривлекательного и делать нечего. Генерал Краснов, беря начальствующий тон по отношению к Армии, указывает ей путь — скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске, до «создания регулярной

Донской армии». Цель — сунуть нас в непосильное предприятие, на пути выполнения которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону и доказать немцам, какой он «паичка»... Личность Краснова сыграет отрицательную роль в судьбах Дона, и в наших — он нас просто продаст, как продал в ноябре 1917-го под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры.

285. М. В. АЛЕКСЕЕВ:

...Трудности принятия для нас решений увеличивается неискренностью и двойной игрою генерала Краснова. 15-го мая в Манычской с ним по самым существенным вопросам договориться не удалось... Но уже 16-го мая, т. е. на следующий день после Манычского совещания, атаман отзывался о Добровольческой армии в резких, мало соответствующих обстановке выражениях, явно подчеркивая, что эта армия служит ему и Дону помехой в отношениях с немцами, то Армию нужно разделить «между Доном и Кубанью, ну, и некоторым генералам придется уехать за границу»... Тут, что ни слово — затаенная мысль, желание — и скажу от себя — готовность продать...

286. В. В. ДОБРЫНИН:

28 декабря (8 января) на станции Торговой состоялось весьма важное соглашение между атаманом Красновым и генералом Деникиным, по которому последний принял на себя командование всеми силами Юга России. Необходимо подчеркнуть важность этого соглашения для обеих сторон: единая сила, единая воля в одном и том же направлении. Одна цель — одна воля. Если вокруг объединения командования было много споров, то объяснение их причин могут дать лишь лица, стоящие в то время у власти, нам же необходимо отметить, что мера объединения относилась только к оперативному объединению, не затрагивая Донское казачество в прочих отношениях.

287. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

...Генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзовыми державами генерала Деникина. Перед

общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели найти общего языка. В штабе главнокомандующего жестоко обвиняли генерала Краснова в «нежелании подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе Донского атамана такие же упреки раздавались по адресу главнокомандующего... Не прекращавшаяся глухая внутренняя борьба между главным командованием и Доном закончилась победой генерала Деникина. Непокорный генерал Краснов только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому; последний, мягкий человек, явился послушным орудием ставки.

288. П. Н. КРАСНОВ:

...И еще армия эта¹ не существовала, как уже генерал Деникин сделал попытку подчинить себе донские части и осуществить единое командование, как это сделал Корнилов в ауле Шенджи 14 марта с кубанскими казаками... Планы генерала Деникина были иные. Он думал в лице донских казаков получить большие пополнения людьми и материальной частью, усилить Добровольческую армию, а не иметь рядом «союзную» армию. Когда этот ответ дошел до генерала Деникина, он решил лично переговорить об этом с донским атаманом.

...В небольшой хате станичного атамана у разложенной карты с показанием расположения войск произошла беседа, длившаяся до самых сумерек... Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне. Атаман рассчитывает и надеется на то, что цели, преследуемые Войском Донским и Добровольческой армией, одни и те же — уничтожение большевиков... Генерал Деникин заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию. Атаман ответил на это, что единое командование возможно осуществить только при условии существования единого фронта. Если генерал Деникин считает возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян. Царицын даст генералу Деникину хорошую чисто

русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы нас с чехо-словаками и Дутовым² и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать свой марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда донцы заняли бы Воронеж...

— Я ни за что не пойду на Царицын, — сказал категорически Деникин, — потому что там мои добровольцы могут встретить немцев. Это невозможно.

— Но ручаюсь вам, — возразил атаман, — что немцы дальше Усть-Бело-Калитвенской станицы на восток не пошли и без моего разрешения не пойдут.

— Все равно на Царицын я теперь не пойду, — упрямко сказал Деникин. — Я обязан раньше освободить кубанцев — это мой долг, и я его исполню.

...На совещании было решено, что Добровольческая армия пойдет вместе с кубанцами на Екатеринодар и только после освобождения его она может помочь донцам в операциях на Царицын. Таким образом, обе армии — Донская и Добровольческая — расходились по двум взаимно противоположным направлениям: одна шла на север к сердцу России — Москве, другая шла на юг — к Минеральным Водам. Вопрос о едином командовании отпадал.

...После тяжелого похода Добровольческая армия нуждалась в отдыхе и пополнении. Ей необходимы были широкие квартиры и правильная организация тыла. Дон должен был снабдить Добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом... Начать активные действия добровольцы и кубанцы могли только через месяц.

О союзниках не было сказано ни слова. К Украине и немцам генерал Деникин высказал самое непримиримое отношение и старательно закрывал глаза на то, что оружие и снаряжение для Добровольческой армии донской атаман может получить только из Украины, то есть от немцев. Этот вопрос был повернут так, что на Украине остались громадные склады российской Юго-Западной армии. Добровольческая армия является прямой наследницей Юго-Западной армии, и потому Украина должна передать ей имущество складов. Про то, что эти склады были опечатаны немецкими печатями и к ним приставлены немецкие часовые, командование Добровольческой армии умалчивало.

Со смутным чувством неудовлетворенности ехал донской атаман из Манычской со свидания с генералом Деникиным. Войско Донское стояло одно-одинешенько перед громадной задачей освобо-

диться от большевиков и положить начало освобождению и самой России... Разлад между Доном и Добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но вылился в тяжелые формы вследствие крайнего самолюбия Деникина. Его постоянно раздражала мысль, что Войско Донское находится в хороших отношениях с немцами и что немецкие офицеры бывают у атамана. Генерал Деникин не думал о том, что благодаря этому Добровольческая армия неотказно получает оружие и патроны, и офицеры едут в нее через Украину и Дон совершенно свободно, но он видел в этом измену союзникам и сторонился от атамана... во время сессий августовского Круга, атаман, отвечая на нападки в сношениях с немцами и слыша, что ему ставят в пример голубиную чистоту Добровольческой армии, которая на знамени своем неизменно носит непоколебимую верность союзникам, воскликнул:

— Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!.. За первые полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и Добровольческой армии 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снаряда и 11 594 721 ружейных патронов. Треть артиллерийских снарядов и одна четверть патронов были уступлены Доном Добровольческой армии.

... Генерал Лукомский указывал атаману, что Добровольческая армия не согласна с политикой атамана и энергично протестует против некоторых действий атамана. Так, атаман 21 октября для успокоения умов казаков, взъявленных сильно затяжкой и изнурительностью войны с большевиками, в приказе Войску Донскому за № 1263 писал: «Недалеки те дни, когда вновь сформированная Народная армия сменит в боевой линии донских казаков». Генерал Лукомский усматривал в этом, что « дальнейшая борьба за воссоздание Единой России уже не составляет задачи и обязанности Войска Донского, как части общего организма, стремящегося к этой конечной цели. Проводимые таким образом в народную казачью массу взглядения верхов, безусловно, могут в будущем послужить благодарной и не лишенной юридической обоснованности почвой для отказа донских казачьих частей к выполнению общих боевых задач по освобождению центра России от деспотизма большевиков и тем, следовательно, могут причинить трудно даже ныне предвидимый вред общему делу спасения Отечества. Опасность такой постановки вопроса ясна до очевидности. Всеслово разделяя Вашу оценку значения заслуг Войска Донского в деле борьбы с большевизмом, командование Добровольческой ар-

мии, тем не менее, считает, что до окончания борьбы и до полного низложения власти большевиков не может быть речи об уклонении казачьих войск от этой общей цели, и потому считает указанное место приказа одним из очень серьезных поводов к порождению недопустимых разногласий...». Командование Добровольческой армии настаивало на уничтожении этого приказа.

Академически генерал Лукомский и генерал Деникин, конечно, были правы. Донские казаки должны были умирать за свободу Родины. Но мог ли требовать этого атаман, когда рядом воронежские, харьковские, саратовские и т. д. крестьяне не только не воевали с большевиками, не освобождали этой Родины от них, но шли против казаков. Атаман стоял перед фактами суровой действительности. Казаки отказывались выходить за пределы Войска Донского. В полках были митинги протеста. «Расстреливать виновных», — говорили Деникин и Лукомский. Но кто же будет расстреливать, когда все Войско солидарно с протестующими? Почему же Деникин и Лукомский не мобилизовали население Ставропольской губернии и Кубанского войска и не создали свою русскую армию, которая пошла бы вместе с казаками? Почему же они держались принципа добровольчества? Да потому, что, когда мобилизовали, то мобилизованные передавались красным и уводили с собою офицеров. То, что было невозможно для Деникина, Лукомский считал возможным для донского атамана.

У атамана было единственное средство заставить казаков идти к Москве — это дать им хотя бы немного передохнуть от боевых лишений за чьею-то спину и потом заставить их примкнуть к русской народной армии и идти с нею на Москву. Атаман просил сделать это добровольцев. Он просил это дважды и дважды получил отказ. Атаман дошел до границ Войска и понял, что один не может идти дальше. Фронт расширялся, база удалялась, удлинялись коммуникационные линии, фланги повисали в воздухе. Должен же был кто-либо помочь ему. Он искал союзников. Союзников не было. Ему оставалось одно: самому приступить к созданию новой русской армии, и он приступил к устройству Южной армии. Но идея эта успеха не имела. Генерал Деникин препятствовал этой организации.

С прибытием союзников генерал Деникин нашел возможным дать понять донскому атаману, что он во всем зависит от него и что хочет или не хочет он, но ему придется подчиниться ему и подчинить Донскую армию единому командованию... На 13 ноября в Екатеринодаре генералом Деникиным было собрано совещание между представителями Добровольческой армии, Дона и Кубани под председательством генерала Драгомирова. Предстояло решить три главных вопроса — о единой власти (диктатуре генерала

Деникина), едином командовании и едином представителе перед иностранными союзными державами... К соглашению комиссия не пришла, а отношения обострились еще больше... Атаман не хотел признавать генерала Деникина главнокомандующим не потому, что Войско Донское и Деникин жили не в ладу, не потому даже, что генерал Деникин не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что атаман считал генерала Деникина неспособным на творчество и притом совершенно не понимающим характера войны с большевиками и считал, что генерал Деникин погубит все дело. Кто угодно, но только не Деникин с его прямолинейной резкостью и уверенностью, что можно силой заставить повиноваться.

Атаман считался с обаятельной внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими прямыми солдатскими честными речами, которыми он подкупал толпу, но за этими речами атаман видел и другое. В то время, как на Дону были вызваны все производительные силы страны и создана покорная армия, генерал Деникин опирался на кубанских казаков и офицерские добровольческие полки. Солдатам он не верил, и солдаты не верили ему. Армия не имела правильного снабжения, не имела точных штатов, не имела уставов. От нее все еще веяло духом партизанщины, а партизанщина при возникновении Красной, почти регулярной, армии была неуместна.

Генерал Деникин борьбе с большевиками придавал классовый, а не народный характер, и при таких условиях, если его не подопрят извне иностранцы, должен был потерпеть крушение. Боролись добровольцы и офицеры, то есть господа, буржуи против крестьян и рабочих, пролетариата, и, конечно, за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами только доблесть. И сила должна была сломить доблесть. Генерал Деникин угнетал проявление кубанской самостоятельности, он не считался с Радой. Такого же отношения надо было ожидать и к Дону — это охладило бы казаков и могло бы окончиться катастрофой. Генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России. Такое знамя мало говорило сердцу украинцев и грузин, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникин боялся сказать, что он монархист, и боялся пойти открыто с республиканцами, и монархисты считали его республиканцем, а республиканцы — монархистом. В Учредительное собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать, презрительным названием «учредилки» оно было дискредитировано, унижено и опошлено в глазах народа. Иди Деникин за царя — он нашел бы некоторую часть

крестьянства, которая пошла бы с ним, иди он за народ, за землю и волю — и за ним пошли бы массы, но он не шел ни за то, ни за другое. «Демократия» отшатнулась от него и не верила ему, и Деникин боялся призвать ее под знамена.

Добровольцы были плохо одеты, плохо дисциплинированы, они не были войском — армия Деникина все была только корпусом, и хотя Деникин уже владел тремя громадными губерниями, он ничего не создал, и атаман боялся, что он не только ничего не создаст в будущем, но развалит и созданное такими трудами, неокрепшее и хрупкое. Атаман не считал Деникина хорошим стратегом, потому что Деникин действовал по плану, который казался атаману некрупным и бесцельным. План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина. Атаман считал, что с окраинами, в том числе и Украиною, воевать нельзя и не стоит: с ними должно столковаться, признавши их права на свободное существование. Главная цель казалась атаману — борьба с большевиками и большевизмом: с первыми — оружием, со вторым — воспитанием, и только после победы над ними и освобождения от коммунистов всей России можно говорить о «единой и неделимой России». Генерал Деникин прямо шел к этой единой и неделимой и, по мнению атамана, создавал себе еще новых врагов, не справившихся и со старыми.

...После приезда союзников и письма генерала Пуля перед атамоном стояла непременная задача согласиться на признание генерала Деникина верховным главнокомандующим и подчинить ему не только Донскую армию, но и все Войско. События на фронте, появление большевиков на Украине, создание нового, Западного фронта и вследствие этого необходимость во что бы то ни стало получить помощь извне, требовали от атамана уступок и изменения своего мнения... 26 декабря атаман свиделся с генералом Деникиным на станции Торговой. В поезде у генерала Деникина состоялось под его председательством совещание... Заседание открыл генерал Деникин, который сказал, что с приходом союзников борьба с большевиками принимает более планомерный характер и что необходимо столковаться и прийти к сознанию необходимости единой воли и единого управления в делах внешних сношений, устроить единую общую сеть железных дорог, одну банковскую систему, общий почтовый союз, общий суд и, наконец, гласно признать единое командование. Донская армия и Донской флот должны быть наравне с прочими вооруженными силами подчинены главнокомандующему. Донская конница должна быть передана на те участки, которые ей укажет главнокомандующий с тем, что Добровольческая армия компенсирует ее пехотой,

свободный резерв Дона должен быть передан в полное распоряжение главнокомандующего, в Донской армии не могут быть на командных должностях только донские казаки, но должны находиться также и начальники от Добровольческой армии. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса должны быть переданы в распоряжение Добровольческой армии, должны быть напечатаны общие уставы и установлены общие правила чинопроизводства во всех армиях, действующих на юге России. Назначения на должности командиров корпусов и выше делаются главнокомандующим в Донской армии по соглашению с донским атаманом. Все офицеры генерального штаба подчиняются главнокомандующему, минуя донского атамана, в Донской и Добровольческой армиях устанавливаются одинаковые нормы содержания и пенсий. Право мобилизации принадлежит главнокомандующему, все снабжение, откуда бы оно ни шло, принадлежит главнокомандующему, который распоряжается также и хлебом, и углем, беря и то и другое на учет. Первые вопросы возражений со стороны атамана не встретили... Вопросы гласного признания единого командования вызвали крайне резкие возражения со стороны командующего армией генерала Денисова.

... — Я не говорю — сейчас, — недовольным голосом сказал генерал Деникин. — Мы отлично понимаем тяжелое положение Донского войска, и не настолько же мы наивны, чтобы потребовать резерв сейчас. Но армия должна быть реорганизована. У вас масса конницы, а у нас конницы не хватает.

Но против выделения конницы возражал и атаман.

— И свойства местности, и характер противника, и природная любовь казака к работе на коне создали особый характер войны, — сказал он. — Мы бьем противника преимущественно конными частями, которые в большинстве случаев дерутся великолепно, чего нельзя сказать про нашу пехоту. Конные части мы выделить не можем!

— Какое же это будет единое командование, — воскликнул генерал Драгомиров, — когда главнокомандующий не распоряжается своими войсками!

— Но нельзя же вмешиваться в организацию наших сил, потому что это поведет к развалу построенного с таким трудом и далеко не окрепшего, — заметил Денисов.

После очень долгих переговоров при участии генерала Щербачева удалось установить, что все-таки Донская армия в полном составе должна перейти в подчинение генералу Деникину.

— Это непременное требование союзников, — сказал генерал Щербачев. — Без исполнения этого условия они отказываются чем бы то ни было помочь нам.

— Для Дона, — снова упрямо сказал Денисов, — единого командования не надо, и Дон без такового свободно может жить. Единое командование нужно для России, и вы требуете этой жертвы во имя ее. Но казак этой жертвы не поймет, и самый факт признания открыто и публично такого подчинения разложит Дон.

— Но поймите, — сказал Щербачев Денисову, — что без этого союзники нам ничего не дадут.

— Дону ничего и не надо, — возразил Денисов. — Разве только моральная поддержка. А вот если Дон вследствие этого подчинения со всеми его последствиями развалится и разложится, то, полагаю, союзникам это не будет все равно.

— Но почему же Дон развалится от того, что я вступлю в командование? — спросил Деникин.

— Это сделает пропаганда, — ответил Денисов.

— Против этой пропаганды мы устраиваем контрпропаганду, — возразил генерал Драгомиров. — На этих днях будет устроен особый отдел — целое министерство агитации и пропаганды.

— И во главе его поставлен Н. Е. Парамонов³, личный враг атамана, мстительный социалист-революционер, известный тем, что еще в 1905 году своими брошюрами издательства «Донская речь» разлагал русскую армию, — сказал Денисов.

— Но ничего подобного, — вспыхнув, воскликнул генерал Деникин. — Кто вам это — сказал?

— Это пишут в газетах, — отвечал Денисов. — Против атамана в Екатеринодаре идет определенная кампания, и мы знаем, что специально для его ареста или уничтожения генерал Семилетов формирует в Новороссийске отряд.

— Я первый раз об этом слышу, — сказал Деникин. — Абрам Михайлович, разве поручены нами какие-либо формирования генералу Семилетову?

Генерал Драгомиров промолчал.

— Мало ли что пишут в газетах, — сказал Деникин. — Меня в них не меньше, нежели вас, ругают.

— Я не знаю, Антон Иванович, — отвечал атаман, — какие меры принимаете вы в Екатеринодаре, но могу засвидетельствовать одно: ни в одной из выходящих на Дону газет нет ни одного слова против вас. Что касается екатеринодарских газет, то они полны такой гнусной клеветы по моему адресу, что я должен был запретить их ввоз на Дон. И их все-таки везут и подпольным путем распространяют на позициях, и, когда площадную брань по моему адресу усталый от войны казак читает в «Царицынских известиях», прокламациях Миронова или какой-нибудь «Красной газете», он этому не верит,

но, когда ему то же самое пишут из союзного Екатеринодара, в нем зарождается сомнение и тревога. И как не тревожиться?! Атаман — немецкий ставленник, союзники ни за что не помогут атаману, с атаманом ездили ряженые донские офицеры, а не англичане и французы и т. д., и т. д. — согласитесь, что это может сломать и самого правоверного. А последнее время стали ездить семилетовские офицеры и просто уговаривать казаков прекратить войну, пока я у них атаманом.

— Вот будет единое командование, и все эти шероховатости сгладятся, — сказал генерал Щербачев.

— Единое командование Добровольческой армии! — сказал Денисов. — Покажите казаку хорошо с организованные сильные добровольческие части на его Донском фронте, покажите их перевес над ним, и он поймет единое командование русского генерала. А пока он знает 100-тысячную Донскую армию, 30-тысячную Кубанскую армию и только 10 тысяч добровольцев-офицеров, он никогда не поймет, почему он должен подчиняться добровольцам — он, принесший все в жертву защиты и спасения Родины. Вы настолько не стесняетесь с казаками, что ни одного кубанца не пригласили на наше совещание.

— Кубанцы заявили, что они во всем поступят так, как постановят донцы, — сказал Романовский.

— Тем большую осмотрительность в наших решениях мы должны проявить, — сказал Денисов. — И я, простите, никак не могу согласиться с признанием верховного главенства Добровольческой армии, николько не касаясь личностей. Вы в этом весьма деликатном вопросе не считаетесь ни с народом, ни с территорией. Не забывайте о том, что мы сильны народом, а вы офицерами, и в случае, если будет брошен этот опасный лозунг, эти страшные слова о белых погонах, об офицерской палке, вам несдобривать, потому что народ сильнее офицеров, а помогут ли и как помогут союзники — это неизвестно.

Переговоры постоянно заходили в неизбежный тупик. Два раза, видя бесплодность добиться искреннего признания единого командования в его лице от донцов, генерал Деникин хотел прекратить переговоры, но всякий раз генерал Щербачев его останавливал. Атаман понимал, что это необходимо сделать, необходимо для союзников, и искал такой формы, которая наименее дала бы почвы для пропаганды в войсках. Даже мелочи, и те вызывали страстный отпор. Заговорили об издании уставов, столь нужных для войск.

— Но для чего нам издавать уставы, — сказал атаман, — и снова тратить на них громадные деньги и, главное, время, когда Войско Донское уже издало почти все уставы? Они представляют из себя

перепечатку российских уставов, и Добровольческая армия, если пожелает, может их получить готовыми.

На какие бы то ни было назначения командного состава и на подчинение офицеров генерального штаба, помимо атамана, главнокомандующему атаман не согласился. Донская армия должна быть вполне автономной.

— Какое же это будет единое командование, — воскликнул генерал Драгомиров, — когда главнокомандующий не может распорядиться ни одним казаком помимо атамана?

— Единое командование для союзников, — сказал Денисов. — Они хотят, чтобы его превосходительство генерал Деникин был подобен Фошу⁴. Но у Фоша были самостоятельные французская, английская и американская армии — так и тут будут армии, подчиненные в стратегическом отношении, но самостоятельные по существу...

Переговоры шли уже шестой час, сгущались сумерки короткого зимнего дня, а решения никакого вынесено не было. Наконец атаман сказал генералу Деникину:

— Антон Иванович, ввиду сложившейся обстановки я считаю необходимым признать над собою ваше верховное командование, но при сохранении автономии Донской армии и подчинении ее вам через меня. Давайте составим об этом приказ.

Генерал Деникин собственноручно написал приказ о своем вступлении в командование и о подчинении ему всех Вооруженных Сил Юга России, действующих против большевиков.

— Хорошо, — сказал атаман, — я отдаю этот приказ по Войску Донскому, но для того, чтобы избежать кривотолков о нарушении донской конституции, я сделаю к нему следующую добавку: «Объявляя этот приказ главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России Донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с генералом Деникиным конституция Всевеликого войска Донского, Большим воинским Кругом утвержденная, нарушена не будет. Достояние Дона, вопросы о земле и недрах, условия быта и службы Донской армии этим командованием затронуты не будут, но делается это с весьма разумною целью достижения единства действий против большевиков».

— Но этим добавлением совершенно уничтожается весь смысл приказа о едином командовании, сказал Драгомиров.

Деникин махнул рукой: делайте, мол, как хотите.

— Вы подписываете себе и Войску смертный приговор, — сказал генерал Денисов атаману.

Итак, первое, что потребовали союзники, было выполнено. Единое командование осуществлено. Теперь оставалось только ожидать помощи от союзников и активной их работы.

289. В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ:

...Генерал Деникин 9-го июля 1918 г. дал распоряжение повернуть свою армию на Юг, лицом к Торговой, Тихорецкой и т. д., и 17 июля Добровольческая армия выступила во второй Кубанский поход. Таким образом, на царицынском фронте задача Добровольческой армии была окончена. Добровольческая армия оторвалась от Донской армии, оголив фронт без предупреждения... Генерал Краснов и командование Донской армии были возмущены поведением генерала Деникина, оставившего этот фронт открытym, и тем самым давшего возможность большевиками занять станицы... как генерал Краснов, так и Донское правительство, естественно, считали Добровольческую армию, проливающую кровь за общее дело спасения России, далекой от ссор и разногласий, по плоти и крови своей армией... Высокомерие, упрямство, стремление к власти генерала Деникина было, без сомнения, во вред общему делу... Главным поводом для обвинения генерала Краснова ген. Деникин выдвигал связь его с немцами, не понимая, что этот контакт был вынужденным для получения всего необходимого для армии от немцев... Ген. Деникин был недальновиден и самолюбив... Невольно возникает вопрос: за что же он — Деникин, питал такую неприязнь к нашему славному любимому и всеми уважаемому атаману?.. Деникин добился титула «главнокомандующего вооруженными силами на Юге России» и, таким образом, Донская армия вошла в ее подчинение¹. Краснов уступил, но он знал, что с этого дня наступает начало конца его славных дел... После вынужденного ухода Донского атамана, генерала Петра Николаевича Краснова, ген. Деникин провел смену командного состава начальников в Области. Назначение были не по способностям, а по усмотрению и прихоти Деникина или его ставленников.

290. Б. А. СУВОРИН:

...На Дону ген. Краснов, его ближайший помощник, командующий донской Армией ген. Денисов и его начальник штаба ген. Поляков¹ не скрывали своих немецких симпатий. Ген. Краснов был осторожен, но его помощники, кроме ген. Богаевского, остававшегося верным Добровольческой Армии и ее принципам, подчеркивали свою ненависть к нашей армии и ее вождям и свою верность немцам. Они то и заставили, впоследствии, совершенно сойти со сцены талантливого организатора ген. Краснова...Маленькая, но все увеличивавша-

ся Добровольческая Армия, однако, держалась самостоятельно, как некоторый оазис среди немцефильства и большевизма-перерождения немецкой политики. Ген. Деникин... оставался верным союзникам... Благодаря им, особенно ген. Пулю, был признан принцип единого командования. Но какой дорогой ценой. Ушел ген. Краснов. Он мог бы сговориться с ген. Деникин, но его генералы Денисов и Поляков увлекли его в такое противоречие со всеми, что ожидали от общего командования, что он не сумел выйти иначе, как уйдя в отставку, не покинув Денисова и Полякова, главных виновников распри между Добровольческой Армией и казачеством. Я не хочу быть адвокатом ген. Деникина. И он, и особенно его правительство не могли не делать много тяжелых ошибок, и первая из них, может быть, заключалась в том, что недооценили атамана Краснова. Но в этой вине большая часть ее падает на Денисова и Полякова.

291. И. В. СТАЛИН:

...Солдаты Краснова отличаются поразительной тупостью и невежеством, полной оторванностью от внешнего мира; они не знают, за что воюют; «нам приказали, и мы вынуждены драться», — говорят они на допросах, попадая в плен... Достаточно будет одного мощного натиска, — и карточный домик контрреволюционеров-авантюристов разлетится в прах. Порукой этого служит героизм нашей армии, разложение в рядах Красновско-Алексеевских «войск»...

292. Д. Е. СКОБЦОВ:

...В сношениях генералов — атамана Краснова и главнокомандующего Деникина чувствовалась напряженная, хотя и скрытая борьба «белых генералов» за свое влияние и за свои методы воссоздания России.

293. Л. Д. ТРОЦКИЙ:

Со стороны казаков и белогвардейцев мы имеем сейчас противника гораздо более серьезного, чем это казалось до недавнего времени. Против нас соединены значительные силы, которые поддерживались до последнего времени немцами, в лице красновских банд, и англо-французами, в лице банд деникинских и алексеевских. Сейчас

происходит объединение алексеевско-деникинского и красновского фронтов, которые раньше порознь опирались на две враждебные империалистические коалиции, германскую и англо-французскую. Они сейчас надеются в обеих частях объединенного фронта пытаться за счет уже одного победоносного англо-французского милитаризма. Проблемы на Южном фронте стоят для нас сейчас в высшей степени остро.

294. М. ГРЕЙ:

Дон, частично освобожденный красными, но, в основном, находившийся под властью немцев, выбрал нового атамана — также германофила. Им был старый знакомый Деникина генерал Краснов... А донские казаки? Они покинули добровольцев, чтобы присоединиться к «новой национальной» армии, которую собирался создать атаман Краснов. Это, казалось бы, вполне логично и даже оправдано, если бы Краснов не говорил открыто о будущей независимости Дона и не смотрел на добровольцев лишь как на временных союзников. ...Проблема с Доном частично уладилась, когда Краснов, оставшись без своих немецких покровителей, будучи не в состоянии своими собственными силами справиться с большевиками, был вынужден передать свою армию в распоряжение Деникина, а затем уступить должность атамана генералу Богаевскому, одному из героев Ледового похода.

295. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

После избрания Краснова Донским атаманом Деникин очень внимательно начал присматриваться к его деятельности. Она смущала Антона Ивановича своим чрезмерным уклоном в сторону сотрудничества с немцами. Тем не менее, Деникин не мог не признать за новым атаманом большой энергии и крупных дарований администратора. Он с одобрением смотрел на то, как Краснов, не теряя времени, принял за формирование вооруженной силы... Однако, несмотря на возврат к старым порядкам и монархические убеждения Краснова, он определенно проводил идею полной автономии Дона. Для него Дон становился самостоятельным государственным организмом со своей армией, со своей иностранной политикой, своей таможней, со своими денежными знаками, своим флагом и народным гимном. Это не нравилось Деникину, девизом которого была «Единая, неделимая Россия». 15 мая по инициативе генерала Деникина в станице

Манычской состоялось свидание командующего Добровольческой армией с Донским атаманом. Целью свидания было сблизить интересы добровольцев и Дона и разработать общий план действий... На этом заседании с печальной очевидностью определилось то чувство взаимного отталкивания, которое обе «договаривающиеся стороны» испытывали друг к другу. Деникина и Краснова разделяли не только различие в их характерах, но и полное расхождение в их политических ориентациях и подходах к стратегии... Генерал Деникин предлагал установить единое командование с подчинением ему донских частей. Но атаман это предложение отклонил категорически. Следующий вопрос касался получения Добровольческой армией от Дона суммы в 6 миллионов рублей. Эти деньги причитались добровольцам еще по соглашению с атаманом Калединым. Неожиданно для всех Краснов заявил:

— Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне.

Потеряв терпение, Антон Иванович возразил:

— Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу, и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы.

Одним словом, попытка личного сближения потерпела полную неудачу.

...В окружении атамана Краснова были люди, не сочувствовавшие его перегибу в сторону немцев. Они держали штаб генерала Деникина в курсе переговоров, которые Донской атаман тайно от Добровольческой армии вел с высшими германскими кругами. И подробности этих секретных переговоров возбуждали в добровольческом командовании чувство тревоги... И все же, несмотря на взаимную антипатию, отношения между руководителями Добровольческой армии и атаманом никогда не прекращались.

...Союзные правительства, обещавшие помочь в борьбе с большевиками и приславшие свои военные миссии в Екатеринодар, знали, что генерал Деникин сохранил им верность до конца. На Донского же атамана Краснова они смотрели как на вчерашнего приспешника немцев.

Деникин и Краснов не встречались с середины мая, со дня их совещания в станице Манычской. Их взаимная антипатия дошла до того, что непосредственная переписка между ними окончательно оборвалась, и сношения велись через третьих лиц: через представителя Добровольческой армии на Дону и через донского представителя в Екатеринодаре. Деникин признавал за Красновым несомненный дар администратора и огромную энергию, которую атаман проявил, создав из ничтожных партизанских отрядов значительную по тому времени

и хорошо вооруженную армию. Такие люди были нужны в борьбе с большевиками. Но Антона Ивановича чрезвычайно коробил карьеризм Краснова, заслонявший пользу общего дела. Склонность во всем переплетать правду с вымыслом и приписывать добровольческому командованию «наивные по форме и содержанию речи, циничные взгляды и побуждения». При сложившихся таким образом отношениях и произошла их встреча, носившая ведьма бурный характер... Результатом этой мучительной встречи было официальное признание генерала Деникина Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, звание, которое он принял после подчинения ему Донской армии, о чем было объявлено в приказе от 26 декабря 1918 года. В тот же день атаман Краснов от себя лично издал приказ по Донской армии, где говорилось что «единое командование есть своеевременная и необходимая ныне мера», и что, по соглашению его с генералом Деникиным ни конституция Войска Донского, ни условия быта и службы донских армий затронуты не будут.

296. Г. М. ИППОЛИТОВ:

15 (28) мая 1918 года. Станица Манычская. В небольшой, но уютной хате станичного атамана на столе разложена карта с боевой обстановки. Вокруг него сгрудились атаман Всевеликого войска Донского генерал Краснов, верховный Руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев, командующий Добровольческой армией генерал Деникин, начальник штаба генерал Романовский. Беседу, которую ведут генералы, никак не назовешь ни дружеской, ни спокойной. Больше всех нервничает Деникин. Резко повернувшись к Краснову, он говорит с возмущением:

— Ваше Превосходительство! Три дня назад в диспозиции, отданной для овладения селом Батайск, вы указали, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре — донцы, а в левой — отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии.

— Позвольте, но...

— Попрошу меня не перебивать! Считаю, недопустимым, чтобы добровольцы взаимодействовали с немцами. Вы, русский генерал, неужели забыли, что Россия находится в состоянии войны с Германией?

— Я знаю — ваш сарказм неуместен!

— Требую уничтожения этой диспозиции!

— Извините, Ваше превосходительство, историю уничтожить нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему — другое дело. Но она относится к сражению, которое было три дня назад и закончи-

лось полной победой отряда полковника Букадорова¹, и уничтожить то, что было, невозможно.

— Я думаю, атаман понимает, что речь идет о принципе. Мы не можем запятнать себя сотрудничеством с врагом России и ее союзников.

— Здесь все намного сложнее. Кроме того, я бы на вашем месте сменил тон. Перед вами больше не бригадный генерал, каким меня знал генерал Деникин на войне. Вы ведете переговоры с атаманом Всевеликого войска Донского, представителем свободного пятимиллионного народа!

— Это обстоятельство, — с ироничной улыбкой замечает Деникин, — дает вам основания пересматривать понятия Родина, честь офицера?

— Ваше Превосходительство, — срывааясь на крик, парирует Краснов, — не кажется, что вы переходите на личные оскорблении?

— Успокойтесь, господа генералы, — вмешивается в нелепицкий диалог генерал Алексеев, — сейчас не время для амбиций! Россия погибает, а вы...

— Я согласен, Михаил Васильевич, беседа наша с Антоном Ивановичем идет не в том ключе, — чуть успокоившись, произносит мирным тоном атаман. — В конце концов, Атаман Всевеликого войска Донского рассчитывает и надеется на то, что, цели, преследуемые его казаками и Добровольческой армией, одни и те же — уничтожение большевиков.

— Цели то одни, только видение путей их достижения у нас разное. Добровольческая армия считает кайзеровские войска своим врагом. Компромиссов здесь быть не может! — жестко отвечает командующий Добровольческой армией.

— Господа, — вмешивается в диалог Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев, — давайте сделаем перерыв. Думаю вам надо поостыть...

Все выходят на улицу... После получасового перерыва переговоры не увенчиваются успехом.

Вот и свела судьба Антона Ивановича с атаманом Красновым. Свела, поручив им ведущие роли в политическом театре белого Юга России в старой как мир пьесе под названием «Борьба за власть». Битва за власть вождя белых волонтеров генерала Деникина и атамана ВВД генерала Краснова стала для двух крупных военно-политических фигур белого юга России, коими, безусловно, являлись эти боевые русские генералы, вставшие на путь антисоветской борьбы, одним из магистральных направлений их деятельности в 1918 — начале 1919 годов... Несмотря на то, что перевес в борьбе все больше склонялся на сторону Деникина, в целом, она протекала вяло. Видимо, не последнюю роль сыграла здесь обстановка на фронтах Донской и Добровольческой армий. Достижению же компромисса, кроме ам-

бициозности, видимо, здорово мешали полярно противоположные внешнеполитические ориентации двух крупных фигурантов антисоветской борьбы...Деникин стал единоличным военным диктатором де-юре, но не де-факто. Генерал шел к цели не ради власти как таковой, а для повышения эффективности антисоветской борьбы. Он понимал «пошлость борьбы за власть», которая только на пользу противнику. В действиях его не было политической подлости. Деникин, оставаясь верным союзническому долгу, получил поддержку Антанты, но далеко не бескорыстную.

297. Н. Е. КАКУРИН:

Донской атаман Краснов усиленно приглашал Добровольческую армию сосредоточить свое внимание на Царицыне, вместо вторично-го похода на Кубань, но руководство Добровольческой армии в лице генерала Деникина не согласилось на это. Генерал Деникин опасался за безопасность своего тыла, который в этом случае пришлось бы опереть на Украину и Дон. Обе области находились под германским влиянием, а Добровольческая армия в своей политической программе исключала всякое взаимодействие с германцами.

298. В. А. МЕЛИКОВ:

Деникин оказался прозорливее Краснова, так как считал, что в тот момент было более правильным захватить Кубань с помощью Антанты, а затем подчинить себе красновские войска...¹

299. Н. Н. ГОЛОВИН:

...В создавшейся обстановке ему¹ ничего другого не оставалось делать, как всё-таки вступать в соглашение с немцами. Ведь Дон являлся непосредственным соседом оккупированной немцами Украины.

300. История гражданской войны в СССР:

...Глухая внутренняя вражда между Деникиным и Красновым, каждый из которых претендовал на роль руководителя вооруженных сил контрреволюции на юге, не мешала действовать им согласованно

против Советской власти... Белогвардейские генералы «служили той или иной империалистической группировке, которая казалась им более сильной в данный момент, и с легкостью меняли свою ориентацию, когда изменялась обстановка...

301. В. Т. СУХОРУКОВ:

На территории Донской области двум контрреволюционным армиям — Добровольческой и Донской — было тесно. Хотя их и объединяла одна общая цель — борьба с большевиками и поход на Москву, «стратегия» их была различной и между ними шла непримиримая внутренняя борьба. Главари донского казачества открыто выступали против руководителей Добровольческой армии, считая их «пришельцами», а себя «хозяевами». Деникин же требовал подчинения Донской белогвардейской армии командованию Добровольческой армии, считая себя представителем «единой и неделимой» России, а Дон — лишь составной ее частью. Генерал Краснов стремился вытолкнуть Добровольческую армию с Дона и направить ее на революционный Царицын, рассчитывая после ухода ее установить более тесное сотрудничество с Кубанской радой без вмешательства Деникина. Заключая союз с Кубанской радой, Краснов рассчитывал главенствовать в ней. Деникин же считал, что движение на Царицын без завоевания Северного Кавказа как базы — дело ненадежное. 28 мая на совещании в станице Мечетинской донской атаман генерал Краснов предложил Деникину и Алексееву начать поход на Царицын. Однако командование Добровольческой армии отвергло план немедленного удара по Царицыну, решив вначале идти на Кубань, занять ее и лишь после этого оказать помощь Донской армии в наступлении на Царицын. Краснов вынужден был согласиться. За обещанную поддержку Краснов обязался оказывать помощь Добровольческой армии вооружением, боеприпасами и деньгами в размере 6 млн рублей. Контрреволюция на Юге России планировала весной и летом 1918 г. нанести Донской армией Краснова удар на Воронеж и Царицын — Саратов (это соответствовало интересам немецких интервентов), а Добровольческой армией — в противоположном направлении — на юг к Черному морю, имея в виду после захвата Северного Кавказа двинуться также на Царицын и на Москву.

Таким образом, вооруженные силы контрреволюции Юга вместо нанесения единого мощного удара действовали на двух разобщенных направлениях. Можно без преувеличения сказать, что уже в июне

1918 г. положение Царицына и всего будущего Южного фронта зависело от того, куда пойдет Добровольческая армия Деникина: на север, на Царицын, или на юг, на Кубань.

302. Г. З. ИОФФЕ:

Уже в конце 1918 года, после капитуляции Германии в мировой войне, союзники оказали серьезное давление на Краснова, который после длительных проволочек вынужден был пойти на подчинение Деникину Донской армии.

303. Ю. А. ПОЛЯКОВ:

Добрармия, сохранившая... верность Антанте, могла рассчитывать на ее поддержку. Добрармия таковую получила. Разумеется, не только и не столько за верность, сколько за то, что была признана самой надежной силой в большой игре, шедшей вокруг России. В представлении Антанты Добрармия из постой пешки стала проходной. Главной целью было свержение Советов, хотя разыгрывалось множество других больших и малых призов. Краснов, запятнав себя сотрудничеством с немцами, стал битой картой. Поэтому так легко было отбросить его в сторону и подчинить Дон Деникину...

На Дону пытался играть самостоятельную роль атаман Краснов. Скомпрометированный сотрудничеством с Германией, Краснов ринулся в объятия Добрармии. В феврале 1919 г. при открытии Большого круга Всевеликого войска Донского он называл ее «царевной, русской красавицей, оживившей донского богатыря». Но царевна не приняла объятий пылкого атамана. Большой круг избрал атаманом А. П. Богаевского, который безоговорочно признал главенство Деникина. Донская область... вошла в подчинение командования ВСЮР.

304. Г. М. ИППОЛИТОВ:

Но и А. И. Деникин также не смог здесь проявить определенную дипломатичность, гибкость*. Он не пресекал решительно действий своих подчиненных, которые могли могущих привести к вооруженному противостоянию донцов и добровольцев. Так, командир

* Имеется в виду конфликт с П. Н. Красновым.

Добровольческой дивизии ген. В. З. Май-Маевский¹ арестовал командаира и офицеров 48 Украинского Мариупольского полка без объявления вины. П. Н. Краснов потребовал в резкой форме от А. И. Деникина немедленного освобождения арестантов. Но В. З. Май-Маевский и после этого не успокоился и пригрозил в телеграмме атаману, что если он не прекратит вмешательства в дела ДА в Мариуполе, то он «не остановится перед применением силы». А ведь Донская и Добровольческая армии, еще не объединенные единым командованием и общим замыслом действий, уже приковали 60% личного состава и боевых средств красных. Но разобщенные армии, однако, не могли наладить элементарного взаимодействия. Трудно представить, но командование этих оперативных объединений в конце 1918 г. не могли наладить элементарного взаимодействия по причине того, что в их штабах не было *шифров и кодов обеих армий!* В итоге, телеграммы вовремя не расшифровались, управление периодически нарушалось.

305. Г. М. ИППОЛИТОВ, В. Г. КАЗАКОВ, В. В. РЫБНИКОВ:

Анализ докладов полномочного представителя командующего Добровольческой армией при правительстве ВВД, отложенных в ГА РФ, позволяет заключить, что с момента начала открытой борьбы за власть между двумя крупными антисоветскими военно-политическими фигурами белого Юга России, в ней применялись со стороны атамана интриги, дезинформация, попытки компрометации в глазах общественности А. И. Деникина и его ближайших сотрудников. П. Н. Краснов пошел даже не такую беспрецедентную акцию, как изъятие из Добровольческой армии казачьих частей. Не гнушался он и экономического давления. Но, несмотря на конфронтацию, принимающую день ото дня все более жесткие формы, П. Н. Краснов не рискнул на свертывание экономической помощи Добровольческой армии...

Подобное можно с определенной долей условности, объяснить следующими обстоятельствами: при всей конфронтационности отношений с командующим Добровольческой армией, атаман понимал то, что у них общий враг — Советская власть; П. Н. Краснов не рисковал на применение жестких экономических санкций из-за боязни негативной реакции политических и общественных кругов Дона, тем более, в правительстве и в законодательных учреждениях ВВД против атамана действовала оппозиция, которая все больше набирала силу, даже несмотря на те победы, которые он пока что одержал над ней.

306. П. КЕНЕЗ:

Личные черты генералов были противоположными: Деникин — скромный, упрямый, совершенно честный и немного туповатый, в то время как Краснов — тщеславен и расчетлив. Между ним сразу возникла взаимная неприязнь и, что самое неприятное, эти чувства влияли на все их действия и поступки... Баланс в противостоянии Деникина и Краснова, который медленно склонялся в сторону Деникина, окончательно перевесился в результате поражения немецкой армии в Европе.

307. М. А. ШОЛОХОВ:

В доме станичного атамана через час началось совещание представителей донского правительства и Добровольческой армии. От Добровольческой армии прибыли генералы Деникин и Алексеев в сопровождении начштаба армии генерала Романовского, полковников Ряснянского и Эвальда. Встреча дышала холодком... Еще не успели присутствовавшие усесться за стол, как Деникин, обращаясь к Краснову, заговорил, взволнованно и резко:

— Прежде чем открыть совещание, я должен заявить вам: нас крайне удивляет то обстоятельство, что вы в диспозиции, отданной для овладения Батайском, указываете, что в правой колонне у вас действует немецкий батальон и батарея. Должен признаться, что факт подобного сотрудничества для меня более чем странен... Вы позволите узнать, чем руководствовались вы, входя в сношение с врагами родины — с бесчестными врагами! — и пользуясь их помощью? Вы, разумеется, осведомлены о том, что союзники готовы оказать нам поддержку?.. Добровольческая армия расценивает союз с немцами как измену делу восстановления России. Действия донского правительства находят такую же оценку и в широких союзнических кругах. Прошу вас объясниться.

Деникин, зло изогнув бровь, ждал ответа.

Только благодаря выдержке и присущей ему светскости Краснов хранил внешнее спокойствие; но негодование все же осиливало: под седеющими усами нервный тик подергивал иискажал рот. Очень спокойно и очень учиво Краснов отвечал:

— Когда на карту ставится участь всего дела, не брезгают помощью и бывших врагов. И потом вообще правительство Дона, правительство пятимиллионного суверенного народа, никем не опекаемое, имеет

право действовать самостоятельно, сообразно интересам казачества, кои призвано защищать... В ваших рассуждениях, ваше превосходительство, превалируют мотивы, так сказать, этического порядка. Вы сказали очень много ответственных слов о нашей якобы измене делу России, об измене союзникам... Но я полагаю, вам известен тот факт, что Добровольческая армия получала от нас снаряды, проанные нам немцами?..

— Прошу строго разграничивать явления глубоко различного порядка! Мне нет дела до того, каким путем вы получаете от немцев боеприпасы, но — пользоваться поддержкой их войск!.. — Деникин сердито вздернул плечами.

Краснов, кончая речь, вскользь, осторожно, но решительно дал понять Деникину, что он не прежний бригадный генерал, каким тот видел его на австро-германском фронте.

Разрушив неловкое молчание, установившееся после речи Краснова, Деникин умно перевел разговор на вопросы слияния Донской и Добровольческой армий и установления единого командования. Но предшествовавшая этому стычка, по сути, послужила началом дальнейшего, непрестанно развивавшегося между ними обострения отношений, окончательно порванных к моменту ухода Краснова от власти.

Краснов от прямого ответа ускользнул, предложив взамен совместный поход на Царицын, для того чтобы, во-первых, овладеть крупнейшим стратегическим центром и, во-вторых, удержав его, соединиться с уральскими казаками.

Прозвучал короткий разговор:

— ...Вам не говорить о той колоссальной значимости, которую представляет для нас Царицын.

— Добровольческая армия может встретиться с немцами. На Царицын не пойду. Прежде всего, я должен освободить кубанцев.

— Да, но все же взятие Царицына — кардинальнейшая задача. Правительство Войска Донского поручило мне просить ваше превосходительство.

— Повторяю: бросить кубанцев я не могу.

— Только при условии наступления на Царицын можно говорить об установлении единого командования.

Алексеев неодобрительно пожевал губами.

— Немыслимо! Кубанцы не пойдут из пределов области, не окончательно очищенной от большевиков, а в Добровольческой армии две с половиной тысячи штыков, причем третья часть — вне строя: раненые и больные.

За скромным обедом вяло перебрасывались незначащими замечаниями — было ясно, что соглашение достигнуто не будет... Когда по-

сле обеда, закуривая, разошлись по горнице, Деникин, тронув плечо Романовского, указал острыми прищуренными глазами на Краснова, шепнул:

— Наполеон областного масштаба... Неумный человек, знаете ли...

Улыбнувшись, Романовский быстро ответил:

— Княжить и володеть хочется... Бригадный генерал упивается монаршей властью. По-моему, он лишен чувства юмора...

Разъехались, преисполненные вражды и неприязни. С этого дня отношения между Добрармией и донским правительством резко ухудшаются, ухудшение достигает апогея, когда командованию Добрармии становится известным содержание письма Краснова, адресованного германскому императору Вильгельму. Раненые добровольцы, отлеживавшиеся в Новочеркасске, посмеивались над стремлением Краснова к автономии и над слабостью его по части восстановления казачьей старинки, в кругу своих презрительно называли его «хозяином», а Всевеликое войско Донское переименовали во «всевеселое». В ответ на это донские самостийники величали их «странствующими музыкантами», «правителями без территории». Кто-то из «великих» в Добровольческой армии едко сказал про донское правительство: «Проститутка, зарабатывающая на немецкой постели». На это последовал ответ генерала Денисова: «Если правительство Дона — проститутка, то Добровольческая армия — кот, живущий на средства этой проститутки».

Ответ был намеком на зависимость Добровольческой армии от Дона, делившего с ней получаемое из Германии боевое снаряжение.

3.4.2. Государственное строительство: первые шаги

308. А. И. ДЕНИКИН:

В непосредственном управлении командования Добровольческой армии находилось несколько уездов Ставропольской губернии и Черноморская губерния без Сочинского округа. Это положение определялось словами приказа — «Впредь до воссоединения и создания верховной власти Русского Государства... губерния в порядке верховного управления подчиняется командованию Добровольческой армии». В Ставрополе был поставлен военным губернатором командир бригады полковник Глазенап... Военные губернаторы подчи-

нялись командующему армией и были ответственны только перед ним. Это упрощенное «военно-походное» управление, основанное на «Положении о полевом управлении войск», до крайности затрудняло меня, отвлекая от ведения операций и вызывая на местах чрезмерную инициативу, не раз граничившую с произволом. Постановка во главе гражданской администрации лиц военных, командовавших одновременно вооруженной силой, причем в крае, где шла непрестанная война не только на фронте, но и внутри, вызывалась обстановкой и казалась наиболее целесообразной, подчиняя весь ход народной жизни интересам борьбы. К тому же было необыкновенно трудно создать и поддерживать авторитет гражданского начальника в глазах военной массы, наполнявшей край — театр войны. Но отсутствие административного опыта и сложившаяся в процессе революции психология военных начальников в значительной мере уничтожала выгоды военного управления.

Военные губернаторства обрастили мало-помалу махровым цветом старого чиновничества — нередко добросовестного, но потерявшегося в угаре революции, отставшего от быстро мчавшейся колесницы жизни. Обрастили и элементами авантюристическими, взращенными условиями революции и гражданской войны. В центре не было пока компетентных направляющих органов. Военные губернаторы терялись в обстановке, до крайности запутанной на почве безвременья и удручающего безлюдья. И я, и они делали немало ошибок. Впоследствии, в одну из своих поездок в Ставрополь я очертил откровенно собравшимся общественным деятелям создавшееся положение следующим образом.

«Нам не удается наладить гражданское управление; в уездах идут люди отпетые; уездные административные должности стали этапом в арестантские роты. Между тем местная интеллигенция предпочитает заниматься политикой и будированием; не отказывается, впрочем, от «постов» и «портфелей». Добровольцы приносят несчетные жертвы своими жизнями. Принесите жертву и вы: умерьте ваши масштабы, дайте мне несколько честных и умных начальников уездов; я окажу им полную поддержку и обеспечу возможность работать. Создать условия нормальной жизни, внести успокоение, насадить право и законность в одном русском уезде — работа гораздо более значительная, чем все упражнения в партийных программах и резолюциях».

И было слово мое подобно гласу вопиющего в пустыне...

В августе, т. е. после месячного опыта «военно-походного» управления, окончательно назрела необходимость создания органа, который мог бы всесторонне заняться устройством освобожденной армией терри-

тории. Эта территория была еще очень незначительна, но расширению ее победами Добровольческой армии должно было предшествовать создание правительского аппарата и установление деловой программы его работы. Идея эта появилась у многих лиц, соприкасающихся с армией. В. Шульгин составил перечень тех отделов, из которых должен был состоять новый орган. Название его («Особое совещание») принадлежит также ему. Генерал Лукомский, состоявший с 5 августа моим помощником по гражданской части, в развитие идеи Шульгина представил доклад о необходимости образования при мне «Особого совещания» по разрешению вопросов, связанных с восстановлением нормальной жизни на территории, освобождаемой от власти большевиков. По его мысли, совещанию предоставлялась роль, исключительно отвечающая его названию, именно — «давать заключения по делам, вносимым на его рассмотрение» главным командованием».

Я считал функции гражданского управления, выходящие за пределы «Положения о полевом управлении войск», принадлежащими генералу Алексееву, и поэтому вторично просил его взять на себя это бремя. Одновременно вопросом этим занимался и генерал Драгомиров, состоявший с 10 августа «помощником Верховного руководителя». Ему принадлежит окончательная разработка и редакция того «Положения об Особом совещании», которое было утверждено генералом Алексеевым 18 августа без изменений. Акт этот не опубликовывался, — очевидно, чтобы не вызвать до времени возбуждения в кубанском правительстве, относившемся крайне подозрительно ко всем государственным начинаниям командования... Председателем Особого совещания являлся генерал Алексеев, а заместителем его в порядке последовательности — я, генерал Драгомиров и Лукомский... ...Образование «Особого совещания» — этого зачаточного органа управления — продвигалось медленно.

...Совещательный характер «Особого совещания» явно не мог устранить затруднений, вытекавших из отсутствия на территории правительского аппарата... Генерал Драгомиров поручил в частном порядке профессорам К. Н. Соколову¹ и В. А. Степанову составить проект государственного устройства, в результате чего появилось несколько вариантов «конституции». Эти варианты подвергались составителями многократным обсуждениям в среде местных представителей кадетской партии и после окончательного рассмотрения их в более тесной коллегии под руководством генерала Драгомирова и при участии, кроме составителей, В. Шульгина и генерала Лукомского, в конце концов, выились в два проекта: 1) «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией» и 2) «Положение о Северокавказском Союзе». Первое устанавливало всю полноту власти

Верховного Руководителя Добровольческой армии в освобождаемых ею областях и особым «разделом» — пределы автономии Кубани.

25-го² окончил жизнь Верховный Руководитель добровольческой армии генерал Алексеев... Я принял звание «Главнокомандующего», объединив власть командования и управления. Передо мной открывался новый путь, на котором судьба приуготовила много радостных событий, возбуждавших надежду на близкое спасение страны, но еще более — тяжких сокруши тельных ударов.

309. А. И. ДЕНИКИН:

Когда правительство Керенского, находящееся в рабском положении у Петроградского совдепа развратило Русскую Армию, она распалась. Декрет большевиков о демобилизации — это лишь форма, армия все равно разошлась бы. Некому стало защищать русскую землю. Тогда по призыву генерала Алексеева в Донскую область стали стекаться офицеры и юнкера, положившие начало Добровольческой Армии. В этом большая историческая заслуга русского офицерства, которое теперь, как и встарь, как верный часовой, стало на страже русской государственности. Я не буду останавливаться на дальнейшей истории существования Добровольческой Армии. Но наряду с восторженным подчас отношением к себе она встречает не раз и полное непонимание и хулу. Причин такого явления немало:

Добровольческая Армия поставила себе задачей воссоздание Единой, Великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил и местных больных честолюбий.

Добровольческая Армия не может, хотя бы и временно, идти в кабалу к иноземцам и тем больше набрасывать цепи на будущий вольный ход русского государственного корабля. Отсюда ропот и угрозы извне.

Добровольческая армия, свершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения; она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации; тогда она не была бы Русской государственной Армией. Отсюда — неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести: Она прямо и честно говорит, *будьте вы правыми, будьте вы левыми, но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее*. Точно так же обрушиваясь всей силой своей против растлителей народной души и расхитителей народного достояния, Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы... Когда от России остались

лишь лоскутки, не время решать социальные проблемы. И не могут части Русской Державы строить русскую жизнь каждая по-своему.

Поэтому-то чины Добровольческой Армии, на которых судьба возложила тяжкое бремя управления, отнюдь не будут ломать основного законодательства. Их роль создать лишь такую обстановку, в которой можно было бы спокойно, терпимо жить, дышать до тех пор, пока Всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь по новому руслу — к свету и правде. Еще одно обстоятельство, смущающее душу русских людей.

Один из известных крупных иерархов, посыпая свое благословление, сказал: «молюсь ежечасно и боюсь, чтобы русские рати, затуманные разными ориентациями, не подняли бы когда-нибудь оружие брат против брата». Этого не будет. Настанет некогда день, когда переполнится чаша русского долготерпения, когда от края до края прогудит вечевой колокол, «звеня, негодуя, на бой созывая»... И тогда все армии: и Добровольческая, и казачьи силы и южная, и сибирская, и фронт Учредительного собрания, — сомкнут свои ряды.

Большие и малые реки сольются в одном русском море. И бурно — могучее, оно смоет всю ту нечисть — свою и чужую — что села на израненное тело нашей Родины.

310. А. И. ДЕНИКИН:

...Все для борьбы. Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена. Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской, должна быть единая русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченный полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей, законной власти. Добровольческая Армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю. От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя великодержавной России не выше всех партийных флагов? Разве вы не видите, как в кровавых боях, изо дня в день под этим знаменем самоотверженно борются «за Русь Святую», умирают и побеждают доблестные воины Добровольческой Армии? Единение возможно потому, что Добровольческая Армия признает необходимость и теперь и в будущем самой широкой автономии составных частей Русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта. И с чувством внутреннего удовлетворения я могу сказать, что теперь уже, невзирая на некоторое

расхождение, выяснилось возможность единения нашего с Донским казачеством, с коим нас связывает полная общность интересов, самые сердечные кровные узы и боевое родство, с Крымом, Тереком, Оренбургским войском, Закаспийской областью и Арменией. Возможно единение и с Украиной, когда, быть может, ценою тяжких внутренних потрясений она сбросит с себя иноземное иго и вспомнит о сыновних обязанностях перед общей родиной. Возможно — и с мирным грузинским народом, когда изменит свое правление правительство его, которое воздвигло гонение на русских людей, присвоило себе русское государственное имущество, захватило в свое незаконное и несправедливое владение Сочинский округ и толпами красноармейцев угрожает русской Добровольческой Армии. Наконец, в последние дни появилось новое государственное образование Сибири, правительство которого объявило себя всероссийскою государственною властью, тем более, что это правительство ответственно и направляется Учредительным Собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства, составленным наполовину из анархических элементов и не пользующимся в стране ни малейшим нравственным авторитетом. Считая себя преемницей русской армии, Добровольческая Армия в самых тяжелых, казалось безвыходных обстоятельствах своей жизни, оставалась верной договорам с союзниками и ни на одну минуту не запятнала себя предательством.

...Я уверен, что Краевая Рада найдет в себе разум, мужество и силу залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнужданной черни, создаст единую твердую власть, стоящую в тесной связи с Добровольческой Армией. Не порвет сыновней зависимости от единой великой России, не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях, не повторит социальных опытов, приведших народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию. Пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудшим и темным людям и высокая справедливость в отношении масс безобидного населения, страдавшего также, как казаки, в темные дни беспрания.

311. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

3-го ноября прибыл в Ставрополь ген. Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии, 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полков-

ник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов его штаба за непристойное поведение в пьяном виде.

312. Д. Е. СКОБЦОВ:

Генерал Деникин ознаменовал вступление на кубанскую территорию выпуском письменного обращения на имя кубанского атамана с указанием на необходимость для атамана и правительства предварительно составить схему гражданского управления областью... чтобы общие схемы и планы были бы предварительно обсуждены совместно с ним, ген. Деникиным, как равно и способ проведения их в жизнь. Со своей стороны он подчеркнул необходимость:

- I. Полного напряжения сил Кубани дня скорейшего своего освобождения от большевика.
- II. Все первоочередные части военных сил Кубани должны входить впредь в состав Добровольческой армии для выполнения общегосударственных задач.
- III. В дальнейшее со стороны освобожденного кубанского казачества не должно быть проявлено никакого сепаратизма.

Тон обращения, таким образом, содержал признаки стремления к верховному руководству, к диктату, что станет потом навязчивой идеей командования Добр. армией во все время гражданской войны, не сожительство и сотрудничество сил объединенных единствам цели, а сосуществование под знаком субординации высшего руководства над низшими. То обязывались не вмешиваться во внутренние кубанские дела — теперь требовали на предварительное рассмотрение схемы и планы гражданского внутреннего управления. Наконец, строгая директива — «никакого сепаратизма», — как бы не забытая любовь по строгому приказу...

Практика диктатуры, между тем, уже о себе широко заявила на образцах управлении очищенными от большевиков Ставропольской и Черноморской губерний. Они были отданы в руки молодых и решительных полковников: Глазенапа и Кутепова...

Правда, чистая диктатура тогда еще не была объявлена, эти проявления тогдашнего добровольческого управления проходили под ярлыком еще *военно-полевого управления, но как показала последующая практика, это не имело существенного значения.*

**313. Телеграфное извещение командующего
Добровольческой армией генерал-лейтенанта
А. И. Деникина Кубанскому атаману полковнику
А. П. Филимонову о взятии Екатеринодара:**

Милостивый государь, Александр Петрович!

Трудами и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань. Область, с которой нас связывают крепкими узами беспримерный Кубанский поход, смерть вождя и сотни рассеянных по кубанским степям братских могил, где рядом с кубанскими казаками покоятся вечным сном добровольцы, собравшиеся со всех концов России. Армия всем сердцем разделяет радость Кубани. Я уверен, что Краевая Рада, которая должна собраться в кратчайший срок, найдет в себе разум, мужество и силы залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнужданной черни. Создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией. Не порвет сыновней зависимости от Единой Великой России. Не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях и не повторит социальные опыты, приведшие народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию. Я не сомневаюсь, что на примере Добровольческой армии, где наряду с высокой доблестью одержала верх над «революционной» свободой красных банд воинская дисциплина, воспитаются новые полки Кубанского войска, забыв навсегда комитеты, митинги и все те преступные нововведения, которые погубили их и всю армию. Несомненно, только казачье и городское население области, ополчившееся против врагов и насилиников и выдержавшее вместе с Добрармией всю тяжесть борьбы, имеет право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудившимся темным людям и высокая справедливость в отношении массы безобидного населения, страдавшего также как и казаки, в темные дни бесправия.

Добровольческая армия не кончила свой крестный путь. Отданная на поругание советской власти Россия ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в рядах ее пойдут на новые подвиги в деле ос-

вобождения Отчизны, краеугольный камень чему положен на Кубани и в Ставропольской губернии.

Дай Бог счастья Кубанскому краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким и радостным — которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами.

Уважающий Вас А. И. Деникин.

314. М. ГРЕЙ:

Возглавлял Особое совещание Верховный руководитель, то есть сам Алексеев, сосредоточивающий в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть... Зная, что его дни сочтены, старый и больной Алексеев спешил назначить преемника. Им был Деникин, и, когда Соколов и Шульгин с окончательной редакцией законов явились за подписью к Алексееву, тот, будучи не в состоянии их принять, переадресовал законодателей к назначенному им преемнику, которому поручалось вносить изменения. Было ли это военной диктатурой? Конечно, диктатура оказывалась в данных условиях совершенно необходима, но, по мнению Деникина, «она должна быть... мягкой!». Алексеев скончался 8 октября 1918 года, и Деникин стал Верховным руководителем, но, как отметит Соколов, в силу природной скромности, а также испытывая отвращение ко всяkim громким титулам, он объявил, что «не примет другого звания, кроме Главнокомандующего Добровольческой армией!». Было сформировано правительство. Генералы Драгомиров и Лукомский стали советниками Верховного (один политическим, другой военным) и его заместителями. Диктатура распространялась только на те области России, которые Добровольческая армия продолжала освобождать, за исключением Кубани и Дона, автономии и даже независимости которых требовали атаманы. Однако они не осмеливались открыто поднять мятеж против Деникина и его лозунга «единой и неделимой России».

315. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Руководящую роль в Особом совещании играли военные: сперва генерал А. М. Драгомиров (бывший одно время командующим Северным фронтом), потом генерал А. С. Лукомский (бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего при Корнилове). Военное прошлое наложило отпечаток на их работу. Сложные вопросы гражданского

управления они старались разрешить военными методами. Но и среди штатских начальников отделов не нашлось людей крупного государственного калибра.

Состояние здоровья генерала Алексеева быстро ухудшалось. По-прежнему он отдавал все силы «последнему своему делу на земле», но Антону Ивановичу было ясно, что конец недалек. Человек осторожный, Алексеев обладал умом государственного деятеля, широким кругозором в политических вопросах и умением облекать свои отношения с людьми инакомыслящими в дипломатические формы. Антон Иванович этим свойством не обладал и честно признавался, что не смог постичь искусство дипломатии. Он искренно любил Алексеева, глубоко уважал его, и приближавшаяся кончина старшего генерала тревожила Деникина перспективой одиночества; он сознавал свою неподготовленность в сфере гражданского управления, не говоря уже о сложных государственных вопросах, которые при расширении территории, занятой добровольческими войсками, неизбежно должны были возникнуть. Генерал Алексеев скончался в Екатеринодаре 25 сентября 1918 года. После смерти верховного руководителя Добровольческой армии генерал Деникин принял звание Главнокомандующего. Помимо его воли судьба взвалила на плечи Деникина тяжелую ношу: с одной стороны — функции правителя, с другой — Верховное командование армией.

Антон Иванович, как и генерал Алексеев, убежден был, что в условиях того времени только единоличная диктатура могла рассчитывать на успех в борьбе с диктатурой Кремля. В диктатуре он видел лишь средство борьбы и смотрел на нее как на явление чисто временное. Но всеобъемлющие функции диктатора требовали выдающихся помощников, на совет и мудрость которых можно было положиться, особенно в области управления, мало знакомой правителю. К несчастью Деникина, таких помощников у него не оказалось. И в письмах его за этот период к близким неоднократно прорывалась, как стон отчаяния, все та же неотступная мысль: «Нет людей!»

316. Г. М. ИППОЛИТОВ:

В ходе Второго Кубанского похода Антон Иванович взвалил на себя политическую ношу... творца новой государственности. Донские казаки, в ответ на шутки белых волонтеров о том, что Всевеликое войско Донское — «всевеселое войско Донское», с сарказмом замечали, что Добровольческая армия — «странствующие музыканты». Действительно не имела ни своей территории, ни правительства, что руководило бы ее деятельностью. Между тем, с расширением террито-

рии, подконтрольной Добровольческой армии, перед ее командованием все острее становились вопросы государственного строительства.

...На белом Юге России было создано учреждение, в котором причудливо переплелись полномочия законодательной и исполнительной власти — Особое совещание при Верховном руководителе Добровольческой армии. Деникин стал первым заместителем Председателя Особого совещания. Он понял: ОС не ограничивает его единоличия в армии. Будучи в статусе правительства, оно все свои решения утверждает у Верховного Руководителя Добровольческой армии. При жизни Алексеева Антон Иванович участвовал в работе Особого Совещания, которое имело довольно стройную организационную структуру, не очень активно. После смерти Алексеева Деникин становится Председателем Особого совещания. Благодаря своему авторитету, он не имеет серьезных трудностей в управлении Совещанием, без видимых усилий проводит в жизнь свои решения. Но в процессе руководства Особым совещанием, уже в начальный период он допускает крупную ошибку, не сочтя нужным привлечь для выработки идеологических и политических программ профессиональных гражданских деятелей. Военный менталитет белых вождей оказался недостатком в борьбе, бывшей, по своей сути, политической. Русская Гражданская война, чего никак не хотели, понять белые генералы, — не то явление, где все проблемы можно было решить исключительно военной силой.

...Занимаясь государственным строительством на подконтрольных территориях, генерал Деникин всячески пытался дистанцироваться от политических партий и организаций. Крайне неприязненно он относился к социалистам. Главком заявил о том, что Добровольческая армия «не имеет решительно никаких оснований признавать уфимское правительство всероссийской властью». Пытался он всемерно отмежеваться и от кадетов. В октябре 1918 года на Екатеринодарской конференции кадетов генерал Лукомский, выполняя установки Деникина, заявил: «Борьба с большевиками — это, прежде всего, дело армии и ее вождей: кадеты могут рассуждать о чем угодно, белое движение пойдет за своими лидерами». В кругах, близких Главкому, отмечали, что он сердится, когда ему говорят о близости к кадетам.

Серьезный просчет генерала Деникина — восстановление старых порядков путем отмены всех законов Временного правительства. С психологической точки зрения, подобная линия могла быть обусловлена глубочайшей неприязнью генерала к действиям Временного правительства. Но огульная отмена всех его законов создавала в общественном мнении образ Деникина — реставратора старорежимных порядков.

Главком вплотную столкнулся с новой проблемой — сепаратизмом, которым переболели в 1917–1920 годах многие российские ре-

гионы. А для Деникина это была Кубань. Почти сразу после взятия Екатеринодара началась полоса противостояния с Кубанским правительством. Позиции Главкома и правительства оказались полярными. Деникин — бескомпромиссный сторонник единой, великой и неделимой России. Рада — ярко выраженные сепаратисты... Деникин в отношениях с Кубанью так и не смогло снять напряженности. Брожение продолжалось. Все настойчивее выдвигалось требование — «провозгласить на время гражданской войны самостоятельность Кубанского края». Но с большим трудом, пока без применения силы, базируясь на личном авторитете, понимании атамана Филимонова и поддержке Антанты, Главком заставляет все-таки в декабре 1918 года признать Раду свое верховенство. Между тем, проблема не снята. Она загнала вглубь. Как показали события 1919 года, ненадолго.

Итак, Добровольческая армия в течение 1918 года окончательно оформилась как «государство в государстве».

317. А. И. ЕГОРОВ:

В сентябре 1918 г. Деникиным было принято «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». В основу конституции были положены следующие пункты: а) вся полнота государственной власти сосредоточивается в руках главнокомандующего; б) основные законы — действовавшие на территории Российской государства до 25 октября 1917 г.; в) для содействия главнокомандующему в делах законодательства и управления при нем состоит Особое совещание; г) Кубань входит в это «государство» на правах автономного члена. Таким образом, восстанавливая все законы, действовавшие на территории России до 25 октября 1917 г., Деникин тем самым реставрировал царскую Россию. Ему, как военному диктатору, принадлежала вся полнота власти; и даже того кущего ограничения царской власти, которое представляла собой прежняя Государственная дума, при Деникине не было. Деникин твердо решил дойти до Москвы без всяких коалиций, чем сразу создал крупное недовольство среди всевеликих «государственно-мыслящих» кругов. Только крайне правые группы (типа группы Шульгина) полностью одобрили все мероприятия нового диктатора, что ясней всего подчеркивает политические устремления Деникина.

Высказанные Деникиным пожелания привлечь к объединению казачьи области (Кубань, Дон и Терек) не привели к ожидаемым результатам. Кубань не удовлетворилась «генеральской» автономией. Вообще казачьи войска стремились к закреплению своих привилегий

и добивались широкой автономии. Это и привело их к конфликту с деникинской диктатурой, имевшему на Дону и на Кубани очень серьезные последствия.

318. В. В. РЫБНИКОВ, В. П. СЛОБОДИН:

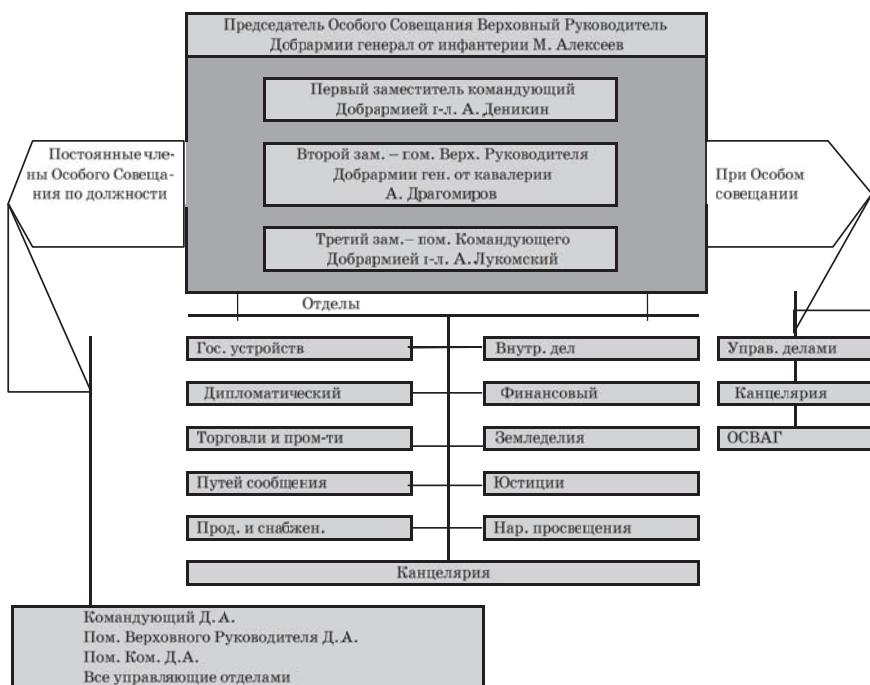
Со смертью 7 октября 1918 г. генерала М. В. Алексеева функции Верховного руководителя унаследовал генерал А. И. Деникин. Антон Иванович Деникин — один из вождей борьбы против коммунизма — был, несомненно, более «пролетарского происхождения», чем его противники — Ленин, Троцкий и многие другие...

319. Г. М. ИППОЛИТОВ:

...Решение вопросов государственного строительства на территориях, подконтрольных белым, А. И. Деникин проводит в комплексе с решением широкого круга проблем по укреплению Добровольческой армии, что отнимало у него много времени. Главное внимание генерал уделял стержневой проблеме — укреплению воинской дисциплины и морально-психологического состояния личного состава. В октябре 1918 г. Главнокомандующий Добровольческой армией подписывает приказ об уравнении в правах гвардейских и армейских офицеров, чем способствует дальнейшему сплочению воинских коллективов. Приказом № 500 от 8 октября 1918 г. усиливает ответственность за незаконное ношение погон и знаков различия (направления в арестантские отделения сроком от 1 до 4 лет). Предусматривалась разжалование офицеров в рядовые за бесчинства в общественных местах на почве пьянства, во избежание чего запрещалась продажа водки после часа ночи во всех увеселительных заведениях... Генерал еще больше ужесточил позицию по отношению к тем офицерам, кто, хоть небольшое время служил в Красной или Украинской армиях. В сентябре 1918 г. с разрешения А. И. Деникина состоялось собрание офицеров Генерального штаба Добровольческой армии, на котором обсуждался вопрос о возможности приема в ее ряды вышеупомянутой категории офицеров (М. В. Алексеев, И. П. Романовский, А. И. Деникин *участия не принимали*). Постановили: эти офицеры могут приниматься в Добровольческую армию на общих основаниях. Им предоставляется возможность реабилитировать себя. А. И. Деникин наложил на протоколе собрания резолюцию: «Не согласен, преступное деяние, предусмотренное уголовным законом, подлежит полевому суду».

...Проведение мероприятий по государственному строительству со-впало у Главкома по времени с процессом эволюции Добровольческой армии из военной в государственно-политическую организацию. Главком был в эпицентре этого сложного процесса. Автор выделил в нем три этапа. *Первый этап.* С восстановлением власти Рады на Кубани командование Добровольческой армии временно принимает на себя функции законодательные и управленческие, *не дифференцируя их*. *Второй этап.* Политику Добровольческой армии ведет ее Верховный руководитель ген. М. В. Алексеев при помощи ген. Драгомирова А. М., в то время как А. И. Деникин командует армией при помощи начальника штаба ген. Романовского И. П. *Третий этап.* После смерти ген. М. В. Алексеева главнокомандование армией принял А.И. Деникин, взявший в свои руки командную власть и власть политическую. Генералы А. М. Драгомиров и А. С. Лукомский стали его помощниками. Первый — по гражданской второй — по военной части. ...ОС имело уже в начальный период, довольно стройную организационную структуру.

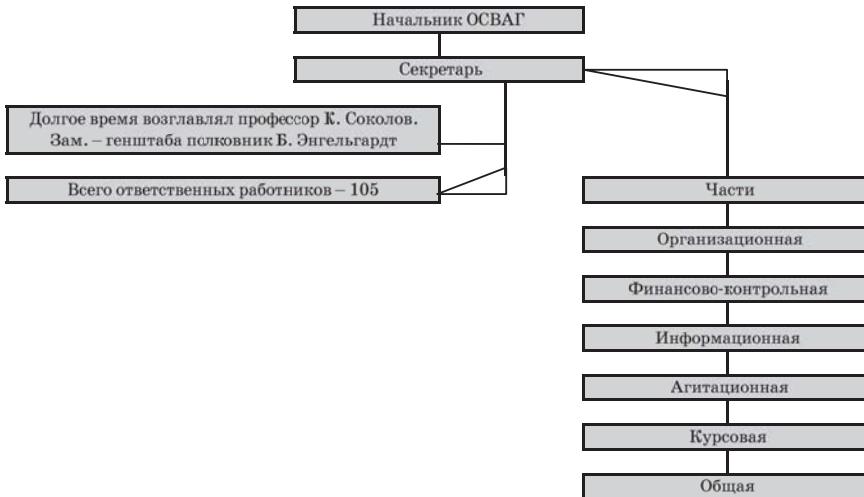
Организация Особого Совещания при Верховном Руководителе Добровольческой армии¹

320. Г. М. ИППОЛИТОВ, В. Г. КАЗАКОВ, В. В. РЫБНИКОВ:

Необходимо подчеркнуть, что А. И. Деникин, занимаясь государственным строительством, уделял пристальное внимание агитационно-пропагандистской работе. В конце декабря 1918 г. было создано Осведомительно-агитационное агентство при Главнокомандующем Добровольческой армией. Это было серьезное идеологическое учреждение со стройной организационно-штатной структурой.

**Организация Осведомительного агентства
при Председателе Особого Совещания
при Главнокомандующем Добровольческой армией¹**

По замыслу генерала А. И. Деникина, ОСВАГ должен был стать инструментом проведения в жизнь методами пропаганды и агитации политической линии Главкома в массах, идеологически обеспечить лозунги Добровольческой армии.

ОСВАГ развернул в полную силу агитационно-пропагандистскую работу, подчинив ее выполнению задачи «постоянного искоренения семян, посаженных большевистскими учениями в незрелых умах масс» и разгрома «цитадели, построенной большевиками в мозгах населения». Для выполнения своих функций ОСВАГ располагал большими силами и средствами. В нем числилось 10 тысяч (!) штатных сотрудников. В 1919 г. в целях управления общественным мнением

он циркулярно снабжал литературными и публицистическими произведениями редакции 80 газет (летом 1919 г. эта цифра составляла уже 100). В августе 1919 г. на территории, подконтрольной белым, действовало 232 пункта и подпункта ОСВАГ, куда входили и особые местные отделы пропаганды на Дону и Кубани. Главком не жалел денег для ОСВАГ, понимая значимость его предназначения. Только за первые три месяца 1919 г. ему было отпущено 25 млн рублей. Постоянно наращивались полиграфические мощности, что позволило к осени 1919 г. печатать ежедневно 300 тыс. листовок.

Иногда ОСВАГ удавались неординарные акции. К наиболее успешной из них, одобренной А. И. Деникиным, можно отнести распространение среди красноармейцев поддельной газеты «Беднота», которая вносила сомнения в сознание бойцов. Давал психологический эффект и выпущенный в ОСВАГ для распространения среди красных поддельный «Сборник Законов Советской Республики». Советское военно-политическое руководство было озадачено такими акциями, и всемерно противодействовали им. Однако эффекта, ожидаемого А. И. Деникиным от деятельности ОСВАГ, не произошло. Будучи в эмиграции, генерал А. С. Лукомский откровенно признался, что «наша пропаганда никакой пользы не принесла». Авторы монографии, исследовав ряд архивных и опубликованных материалов, синтезировали основные причины неэффективной деятельности ОСВАГ.

Во-первых, функции ОСВАГ, в значительной степени, были схожи с функциями политорганов РККА. Но осваговские сотрудники слепо копировали формы и методы работы своих противников, не учитывая сознания контингента, на который пытались влиять. И самое главное — А. И. Деникин не смог вооружить ОСВАГ понятными лозунгами для масс.

Во-вторых, у ОСВАГ остро стояла кадровая проблема. По характеристике очевидца, хорошо знавшего работу ОСВАГ, тот был «много-людным, чиновничьим учреждением. Занимал 4 этажа в Ростове, в громадном здании, где можно было с успехом оборудовать большой светлый лазарет для раненых... Солдаты всюду ворочали огромные тюки литературы. Они покряхтывали, и спины их взмокли от пота; офицеры, одетые в щегловатые мундиры, френчи, присланные тогда еще щедрым Ллойд-Джорджем², сновали с этажа на этаж, ибо это занятие нравилось им больше, нежели схватки с коммунистическими батальонами на полях поработленного Отечества». В данном наблюдении, при всем его субъективизме, просматривается негативное отношение к этому учреждению, рассматривавшемуся отдельными офицерами как убежище от фронта, а не как орган идеологической и психологической

борьбы с большевизмом. Нельзя не обращать внимания, рассуждая о профессионализме сотрудников ОСВАГ, и на замечание писателя А. И. Куприна, считавшего, что большинство осваговцев «бездарны как деревяшки».

В-третьих, серьезно снижало эффективность работы ОСВАГ то, что он дополнитель но возложил на себя функции контрразведки, проводя ее параллельно с военной контрразведкой. Объем контрразведывательной работы был очень большим и шел в ущерб пропаганде. Главком часто и охотно пользовался контрразведывательной информацией ОСВАГ. И у него не возникало мыслей, что добывание такой информации снижает эффективность выполнения ОСВАГ задач по своему основному предназначению. Мы полагаем, что это было большой ошибкой вождя белых волонтеров.

Небезынтересно, что А. И. Деникин осознавал чиновничье-бюрократический характер учреждения, непосредственным инициатором создания которого он был. Видный российский дипломат, принимавший участие в работе дипломатических структур белых политических режимов Г. Н. Михайловский³, приводит в своих воспоминаниях уникальный факт, могущий служить подтверждением вышеприведенного нами тезиса. Генерал Воронин хотел заставить промаршировать ОСВАГ в полном составе по Ростову в чиновничьем строю. Но Главком запретил ему делать это, испугавшись, что такое огромное количество чиновников вызовет нездоровий ажиотаж. Но, понимая чиновничье-бюрократический характер ОСВАГ, А. И. Деникин не принимал эффективных мер для устранения подобного перекоса. Как следствие, вся пропаганда свелась, по оценке бывшего сотрудника ОСВАГ Г. Виллиама⁴, «к масонскому заговору и сионским протоколам».

Таким образом, оригинальный замысел генерала А. И. Деникина с ОСВАГ на практике довольно часто реализовывался в результаты, которые наносили серьезный ущерб политической деятельности лидера белого движения.

321. Р. ПАЙПС:

Из восемнадцати членов кабинета¹ пятеро были генералами, остальные — гражданскими лицами, причем десятеро представляли Национальный центр. Резолюции Совещания не особенно отягощали Деникина, который оставил за собой право на издание законов собственной властью.

322. П. КЕНЕЗ:

Так как Деникин должен был выбирать членов Особого совещания, а они отвечали только перед ним, то работа совещания целиком зависела от его действий. К несчастью, он не обладал ни темпераментом, ни образованием, необходимым для той роли, что ему выпала. Он не понимал, что исключительные обстоятельства требуют исключительных методов. ...Деникин часто жаловался, что ему недостает ответственных и способных людей в администрации. Эти жалобы справедливы. Многие политики уклонялись от своего долга, не помогали Добровольческой армии воссоздать Россию, в которую они верили. Некоторые из них предпочли изгнанье, другие не хотел пачкать свою репутацию сотрудничеством с белой армией, нести ответственность за ее промахи и бездумные действия. Но виновато в этом было не командование армии. За малым исключением старшие генералы разделяли предубеждения военных против политиков и интеллигенции в целом. Именно армия никогда не думала гражданских на ответственные посты. Особое совещание было слабой организацией. У него не было прав, и оно редко обсуждало действительно важные проблемы. Тем не менее, даже в такой организации военные преобладали. В списках членов Особого совещания всегда сначала перечислялись имена офицеров, независимо от того, кем они являлись.

...Удивительно, но советники никогда не обсуждали вопросы большой политики. В ноябре и декабре 1918 года центральной проблемой были отношения Добровольческой армии с атаманом Красновым, но на заседаниях об этом не говорилось ни слова... Первое заседание Особого совещания прошло 11 октября 1918. С этого момента и до конца года совещание проходило двадцать один раз. Деникин участвовал только в двух. Он лишь читал журналы заседаний и делал замечания по некоторым пунктам. Если он что-то не одобрял, то это был конец без всяких обсуждений.

**3.4.3. А. И. Деникин:
первые внешнеполитические опыты****323. А. И. ДЕНИКИН:**

Это событие¹, словно удар грома среди прояснившегося было для нас неба, поразило своей неожиданностью и грозным значением. Малочисленная Добровольческая армия, почти лишенная боевых

припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждебными факторами — советской властью и немецким нашествием, многочисленной красной гвардией и корпусами первоклассной европейской армии... Декларации наши, свободно обращавшиеся, не могли создать никаких иллюзий у немецкого командования в вопросе об отношении к нему армии... Киевская главная квартира через третьих лиц — немецкой ориентации — предлагала нам войти в «дружеские сношения»... На Украине свободно работали вербовочные бюро, и команды добровольцев — в форме, с отличительными знаками армии — направлялись беспрепятственно на Дон, встречая даже известную предупредительность со стороны немецких комендантов... Попытки эти остались безрезультатными и командование Добровольческой армии, избегая каких бы то ни было активных действий в отношении немцев, категорически отказалось войти с ними в сношения. Создалось весьма оригинальное «международное» положение, которое с некоторым приближением можно назвать «вооруженным нейтралитетом».

С половины июня отношения немцев к армии резко изменились... Последовало требование немцев о сборе всех военнопленных авторгерманцев, относившееся и к чехословакам, находившимся в рядах армии и сделавшей с ней Первый Кубанский поход... На обращенный ко мне тревожный вопрос их представителя Краля я ответил, что избегаю тщательно всяких столкновений с немцами, но защита наших соратников — чехословаков — это вопрос нашей чести, я не остановлюсь в случае нужды перед боем... В Киеве немецкая контрразведка, пополненная русскими офицерами, в том числе дезертирами Добровольческой армии, разгромила местный добровольческий центр... Добровольческие центры начали переходить на конспиративное положение, приток пополнений сократился. После взятия нами станции Кущевки, полковником Кутеповым, по моему приказанию был взорван кущевский железнодорожный мост, чем прервано было движение от Ростова. Взрыв у Кущевки вызвал гнев Донского атамана и произвел большое впечатление на немцев, не оставляя уже никаких сомнений в отношении к ним армии. Тем не менее, «вооруженный нейтралитет» не нарушался... Я должен добавить еще одно: оставаясь неизменным нашим врагом, немецкое командование на Юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой армии.

...Утверждение наше на берегах Азовского и Черного морей привело к соприкосновению с германским войсками флотом. В предвидении неизбежных встреч с немецкими властями, добровольческим начальникам была дана мною краткая инструкция, заключавшая

следующие положения: избегать всяких встреч и всякого общения; относительно политической конъюнктуры Добровольческой армии — Брест-Литовского мира не признаем, отношения наши с Германией может установить только всероссийская центральная власть, которой пока не существует, но враждебных действий против немцев мы без вызова с их стороны предпринимать не намерены; относительно торговых отношений — вопрос преждевременный, так как торговый аппарат еще не наложен, но боевые припасы покупать готовы в обмен на произведения страны; при всех сомнительных вопросах ссыльаться на неимение от меня инструкций.

...Украина была порабощена немцами... при обстоятельствах почти анекдотичных, немцы поставили гетманом всей Украины генерала Скоропадского...² Зависимость Украины и полная ее подчиненность германской общей экономической политике при гетмане не только не ослабли, но даже возросла. Национальный шовинизм и украинизация легли в основу программы германского правительства... Гетманская власть покоилась только на германских штыках...

Сохранение русской государственности являлось символом веры генерала Алексеева, моим, всей Добровольческой армии. Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов... Эти положения легли в основу наших отношений к гетману. Ни генерал Алексеев, ни я не вступали с ним в сношения... Только с осени 1918 г., когда обнаружилась близость катастрофы, висевшей над центральными державами, следовательно, над Украиной, гетман делал попытки через третьих лиц вступить в сношения с командованием Добровольческой армии. Но, вместе с тем, командование не прибегало ни к каким конкретным мерам, враждебным гетманскому правительству. Наше участие в украинских делах ограничились гласным осуждением гетманской политики, извлечением из Украины русских офицеров, попытками приобрести там оружие, патроны, разведкой австро-германских сил и расположения и подготовкой мер для противодействия предполагавшемуся германскому наступлению против Восточного фронта и Добровольческой армии... Штаб Добровольческой армии не умел и не хотел вести политической интриги. Да и сам факт *гетманства* не казался угрожающим для национальной русской идеи³.

...Большинство союзных военных представителей всецело разделяли ту психологию, во власти которой находились мы все — Добровольческая армия, белый Юг. В их сознании, как и в нашем, взаимные обязательства оставались неприкосновенными, война еще не кончена и активная помощь армий несомненна. Оторванные годами войны от политических будней своих стран, они жили еще эмоциями

бранной славы и победы, располагавшей к великодушию. Оттого в словах их было более чувства, чем расчета, в обещаниях — более личного убеждения, чем фактической осведомленности... Я должен отдать справедливость этим первым представителям союзников: в генерале Пуле... и других мы имели действительных и деятельных друзей России. Но их влияние и вес были недостаточны, чтобы изменить русскую политику держав Согласия⁴.

...Взаимоотношения союзного командования были не определены и осложнялись взаимным соперничеством держав... Время шло, все хорошие слова были высказаны, а реальная помощь не прибывала... в неопределенном положении находился вопрос о материальной помощи... С первых же дней русская политика держав Согласия приняла характер двойственный, неопределенный и побуждала меня к осторожности. Во всяком случае, *никогда за время моего правления и командования на Юге России я не давал державам Согласия ни письменно, ни устно никаких политических, территориальных и экономических обязательств за счет России.* Во всех сношениях с их представителями я проводил тот взгляд, что помощь нам является их моральной обязанностью и вытекает из их же собственных интересов. Это обстоятельство должно быть учтено в тот день, когда новая Россия будет сводить старые счеты со своими кредиторами.

324. М. В. АЛЕКСЕЕВ:

Нужно более точно ориентироваться в общем настроении нашей армии. Как обще явление — глубокое сознание, что немец — враг, с которым счеты еще не покончены, что он является отцом и творцом большевизма, доведшего нашу Родину до гибели. Циркулирующие у нас весьма определенные сведения, что Вильгельм пока не допускает мысли о возрождении России, что принят план образования 4–5 кусков... Все это создало в армии тяжелую атмосферу ярого недоверия и недоброжелательности к немцам.

Мы хорошо ориентированы относительно «самостоятельного существования Украины, относительно роли там немцев, настроения украинского крестьянства, неизбежной скорой борьбы партизанского характера за отстаивание мужиком *своего* хлеба от жадных загребальных рук немцев (Харьковская, Полтавская особенно)...

Вполне понимая, несколько сильно и выгодно положение у нас немцев, зная их умение показывать размер кулака больше, чем он есть на самом деле, сознавая плохую деятельность союзников, мы психо-

логически не можем переменить себя, поступиться общим настроением массы и, уступая немцам, искать пока сомнительного согласия Вильгельма на воссоздание Великой Неделимой России. Нет веры.

Свято сохраняя свою цель, армия должна, до минуты своей возможной гибели, идти иным путем...

325. Ф.А. КЕЛЛЕР:

...Врангель все выбирает и путается с гетманом. Я пришлю его к Вам. Он отличный кавалерийский начальник, только нужно держать его крепко в руках...

326. Д. Г. ЩЕРБАЧЕВ:

...Я посетил генерала Бертело¹ в его главной квартире Бухаресте для предварительных переговоров о своем приезде в главную квартиру генерала Франше д'Эспре² и далее в Париж, с целью ускорить прибытие в Россию союзных войск и средств войны. В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнениями с генералом Бертело, с коим нас связывала и прежняя общности идей и действий, ныне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающую решительную настолько, что временно отпала надобность проезда в Париж и к генералу Франше д'Эспре... Решено нижеизложенное:

1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.
2. Дивизии будут французские и греческие.
3. Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.
4. База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.
5. Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм³ с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне Вам известными лицами.
6. Генерал Бертело до времени со своей главной квартирой остается в Бухаресте.
7. По прибытии союзных войск кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой

и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения великой, единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирования этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армии под единым командованием на Москву.

9. В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аeronautики, продовольствия и прочего.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам у союзников вырабатывается особый, специальный план.

327. П. Н. МИЛЮКОВ:

18 июня — 1 июля

...Германцы требуют удаления Алексеева, Деникина и Романовского. Шла речь о разоружении, но Деникин отвечал: «Пусть попробуют. Арним¹ всегда отступал передо мною»...

21 июня — 4 июля

...Вечером у В. В. Шульгина. Показывает письмо от Деникина, в котором Д[еникин] отвечает на его записку отказом принять определенную монархическую или союзническую ориентацию — или какую-либо иную. Монархистов в армии 80%, но вывесить этот лозунг — значит потерять союзников или расколоть. Резко высказывается против германской ориентации и «шантажного типа организаций, которые к ней склоняют, деморализуя офицеров. С горечью говорит о тех, кто скрывался в укромных углах, когда армия боролась, а теперь, когда она стала силой, предъявляет к ней «требования» — переменить ориентацию.

2/15 июля

...Германцы относятся враждебно к Алексееву, Деникину и Романовскому...

16–29 октября

С утра иду к Деникину. Разговор длится целый час от 11 до 12 и очень интересен... Деникин начинает рассказ. Напрасно меня обвиняют, что непримирим к Украине и Дону. С гетманом мои отношения были такие... Я предлагал, чтобы они дали полную свободу офицерам идти к нам, если хотя бороться с большевиками, а у себя, в особом корпусе, оставляли бы тех, кто захочет идти сюда. Он же поступили иначе. Тогда мы заявили протест, несколько дней тому назад. Ответа мы пока не получили... Что касается политических вопросов, то меня раздирают справ и слева, а я упорно молчу... Деникин продолжает свой рассказ; «Всего непримиримее — Грузия, которая хочет быть независимой и принимает с нами невозможный тон. Я приготовил против нее отряд, но пока не пустил его в дело, ограничиваясь требованием об очищении Сочинской области. Когда наступит время, мы быстро с ними покончим».

328. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

...С государственной точки зрения я допускал возможность «немецкой ориентации». Однако, я не видел в немецко-украинском союзе необходимых двусторонних преимуществ. Германия, казалось, не могла отрешиться от столь легко давшихся ей только что богатых русских областей и не сознавала, что, желая быть всюду сильной, она может оказаться всюду слабой. Украинские же сторонники этого союза не понимали, что они являются лишь слепым орудием германского правительства. Большинство этих сторонников были чужды идеи самостийной Украины и видели в создании Украины лишь частичное возрождение Великой России. Но некоторые даже среди ближайших советников гетмана были ярыми сторонниками «щирого Украинаства». Германцы усиленно поддерживали украинское самостийничество и сам Скоропадский, в угоду ли могучим покровителям, или в силу «политических соображений», явно играл в «щирую Украину».

329. П. П. СКОРОПАДСКИЙ:

...Если Украина встала на путь русской государственности, то офицерам и решать вопрос об образовании единого фронта для борьбы с большевизмом, единого представительства для международного конгресса.

330. М. ГРЕЙ:

...Иностранцев встречали как спасителей, и их быстро очаровывало славянское гостеприимство. Офицеры и администрация военных миссий давали такие обещания, которые их правительства совсем не жаждало выполнять. Пул категорически стоял на своем: Деникин и его Добровольческая армия получат все, в чем они нуждаются... Подобные декларации, поддержанные прессой свободных областей, вселяли в людей бодрость и уверенность. А они в этом нуждались, так как, несмотря на щедрые посулы союзников, в это время Белая армия насчитывала не более 40 000 человек и имела в своем распоряжении 193 пушки, 621 пулемет, 29 самолетов, 8 автомобилей и 7 бронепоездов. Им противостояла Красная армия численностью в 90 000 человек с несметным количеством боеприпасов.

331. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Генералу Деникину не могло прийти в голову, что внутренние противоречия и разногласия в правительствах Франции и Англии сведут на нет торжественные обещания их представителей; что в ближайшие месяцы невыполненные обещания и несбывшиеся надежды отразятся на взаимоотношениях Юга России с союзниками, что радость сменится недоумением и перейдет затем в явное раздражение и что в лагере красных союзные ошибки и взаимное недоверие станут предметом нескрываемого злорадства и успешной пропаганды... Союзные представители действовали наугад, превышали свои полномочия и, совершенно не желая того, своими поступками и заявлениями вводили генерала Деникина в заблуждение.

...Правительство гетмана Скоропадского держалось исключительно военным престижем немцев. Они использовали гетмана в своих целях, но в то же время не позволяли ему сформировать серьезной вооруженной силы. Предоставленный сам себе, Скоропадский оказался беспомощным. Теряя почву под ногами, он круто переменил свою германофильскую политику. Отбросив самостийность, метался в разные стороны и даже писал великому князю Николаю Николаевичу, умоляя его принять Верховное командование всеми войсками бывшей России и в своем лице объединить «всех нас, генералов, а то мы только ссоримся». Великий князь на письмо Скоропадского не ответил. Генерал же Деникин, узнав о нем, сухо комментировал: «Я решительно не мог...

стать на ту упрощенную точку зрения, которая разительную противоположность идеологии, стимулов и лозунгов движения представляет как ссоры генералов».

332. Г. М. ИППОЛИТОВ:

Любое государство немыслимо без проведения внешней политики. Это аксиома. Точно также и то, что внутренняя и внешняя политика находятся в тесном диалектическом единстве. Не миновала чаша сия и Деникина, взвалившего на себя тяжкий крест построения новой российской государственности в условиях, когда с соотечественниками, разведенными по разные стороны баррикад, чаще беседовали не на языке дипломатических протоколов, а на языке пулеметов. Для проведения внешней политики предстояло оценить внешнеполитическую обстановку. Такая оценка представлена полно в письме Главнокомандующего Добровольческой армией генералу Н. А. Степанову, представителю белого движения в Сибири (написано в декабре 1918 г.).

Деникин полагал: настроение в Абхазии и Армении русофильское, правительства ищут сближения с Добровольческой армией; Грузия — «пока в руках сепаратистов с явно социалистической окраской», и ее правительство готово «метаться куда угодно, только бы не в сторону Добровольческой армии»; Азербайджан находится в сфере влияния англичан; в Екатеринодаре начались переговоры с союзниками.

Во главу угла главком Добровольческой армией поставил построение взаимоотношений с Антантой. Впоследствии, в период деникинской единоличной военной диктатуры на Юге России, это станет одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности вождя белых волонтеров. В конце 1918 года подобные взаимоотношения только зарождались.

Антанта хотела Антона Ивановича держать на коротком поводке, но подобная затея не удалась. В отношениях с союзниками генерал с первых дней занял принципиальную позицию. Деникин отводил оккупационным войскам исключительно вспомогательную роль. По его замыслу, освобождение России от большевизма должно было осуществиться русскими антисоветскими силами. К концу 1918 года внешней и внутренней контрреволюции удалось сконцентрировать на юге России внушительные группировки войск и повернуть положение противоборствующих сторон в свою пользу. Но грандиозный замысел Главнокомандующего Добровольческой армией разился о своекорыстие

Антанты. Вождь белых волонтеров, однако, довольно быстро осознал, что союзники не окажут ему той помощи, о которой он мечтал...

...Взаимоотношения Деникина с Германией обусловливались тем, что он считал себя в состоянии войны с Четвертым союзом. По крайней мере, де-юре. Его упорство здесь удивляет. Чем сложнее было положение Добровольческой армии, тем жестче становилась позиция генерала по отношению к Германии. Он отвергал любые попытки германского командования установить контакт, даже под предлогом антибольшевистской борьбы. Решительное «Нет!» для генерала Деникина было вопросом чести... В целом, генерал Деникин во взаимоотношениях с Германией, с одной стороны, не смог преодолеть инерцию Первой мировой войны в своей неприязни к агонизирующей кайзеровской империи. Но с другой стороны, здесь проявилась деникинская верность союзническому долгу. И все же конфронтация вождя белых волонтеров с Германией носила формальный характер.

Крайне нигилистическим было отношение Деникина к движению Петлюры¹.

Генерал считал: с именем данного ярого украинского «самостийника» «началось появление большевизма, входящего в связь с совдепией, причем выявляется влияние в этом немецкого руководства и участие Петлюры».

Правительство Петлюры было вынуждено считаться с Деникиным, главным образом, из-за поддержки его союзниками. Французский консул Энно² в письме подольскому губернатору отмечал, что отряды Добровольческой армии в Киеве сохраняют в отношении Директории³ нейтралитет, подчиняются только Главному Добровольческой армией, которому Антанта оказывает всемерную поддержку. В последствии генерал вступит в вооруженное противоборство с Петлюрой, в силу ориентации последнего на «самостийность» Украины.

Итак, внешняя политика «государства в государстве», то есть Добровольческой армии родилась. Однако первые шаги младенца показали, что он будет, по мере взросления, довольно часто спотыкаться. Во многом из-за неуклюжести Антона Ивановича...

333. Н. Е. КАКУРИН:

В надежде на приход англо-французского империализма южная контрреволюция поднимала голову. Правительство ген. Деникина, вырабатывая свой проект для мирной конференции о восстановлении «единой и неделимой» России в пределах 1914 г. и, готовясь к занятию

Крыма, более всего рассчитывало на поддержку себя в политическом и военном отношениях... 23 ноября 1918 г. суда англо-французского флота вошли в гавань Новороссийска, а два дня спустя бросили якорь на рейде Севастополя. Однако, посещение эскадр не повлекло за собою появления тех крупных сухопутных союзных сил, о которых мечтали русские контрреволюционные деятели, собравшиеся на совещание о формах и размерах поддержки со стороны Антанты русской контрреволюции, происходившее при участии некоторых иностранных дипломатов в г. Яссах в Румынии.

334. Д. Я. КИН:

Деникин — верный слуга помещиков и буржуа старой России, ставленник иностранного капитала, вождь белой гвардии, приказчик мирового империализма... Добровольческая армия стала ноги благодаря германской оккупации, хотя сами добровольцы называли себя врагами германцев, и говорили, что идут спасать Россию от большевиков, продавших Россию германцам. Главным хозяином Деникина были английские и французские капиталисты.

335. История гражданской войны в СССР:

В ноябре-декабре¹ войска и флот Антанты захватили ряд важных пунктов на Черноморском побережье Украины и Кавказа и вместе с русскими белогвардейцами, украинскими и закавказскими буржуазными националистами двинулись в наступление на Советскую страну с юга... Империалисты США, Англии и Франции полностью подчиняют себе те белогвардейские и буржуазно националистические формирования, которые до поражения Германии придерживались пронемецкой ориентации.

336. Гражданская война в СССР:

На юге России процесс консолидации белогвардейского военного и гражданского управления вследствие ряда местных особенностей, боевых успехов Красной Армии проходил с большими трудностями, чем на востоке страны. Стремление деникинцев к восстановлению «единой, неделимой России» не находило поддержки буржуазно-националистических элементов Украины и Кавказа, мечтавших о создании

собственных государств. Учитывая это, администрация Деникина первое время всячески пыталась прикрыть свои монархические цели туманными обещаниями о созыве Национального собрания, местном самоуправлении, земельных реформах, гражданских свободах и рабочем законодательстве. Это, однако, не мешало ей восстанавливать царские порядки и законы, возвращать земли помещикам, подавлять рабочие организации и национально-освободительное движение.

337. Г. М. ИППОЛИТОВ:

А. И. Деникину пришлось вплотную заниматься *построением отношений с Антантою*, у которой была конкретная экономическая заинтересованность для интервенции. Отсюда вытекает и ее политическая детерминация — уничтожение большевизма, политика которого не соответствовала экономическим интересам Англии, Франции, США. А. И. Деникин быстро осознал, что союзники не окажут ему той помощи, о которой он мечтал... не оказывая с первых дней интервенции достаточно эффективную военную помощь, французское командование стало беспардонно вмешиваться в дела ДА. Но Главком был вынужден пока что особо не обострять отношений, по нашему мнению, по следующим причинам: *союзники оказывали ему единственную помощь в борьбе за власть с Красновым; в политических, военных и общественных кругах белого Юга России еще не прошла эйфория от высадки союзного десанта, породившая радужные мечты; у А. И. Деникина пока что есть уверенность в том, что союзные войска будут играть вспомогательную роль в осуществлении его грандиозных планов освобождения России от большевизма*. Таким образом, установление плотных отношений с Антантою в рамках начавшейся интервенции стало начальной точкой отсчета серьезных прогрессирующих разногласий А. И. Деникина с союзниками. Главная причина — своекорыстные интересы Антанты на Юге России, детерминированные, в основном, экономическими факторами.

...Отношения с Украиной были конфронтационными. Характерные черты политической линии А. И. Деникина здесь — бескомпромиссность и умелое использование в политических целях роста личного авторитета в политических и общественных кругах Украины, а так же извлечение выгоды из поддержки союзников. А. И. Деникин не проявлял особых дипломатических усилий, строя отношения с Украиной. Он, вступив в скором времени в вооруженное противоборство с С. В. Петлюрой, показал себя вновь приверженцем силовых решений в политической деятельности.

338. П. КЕНЕЗ:

Прошло некоторое время, и, кроме оккупации Одессы и Севастополя французскими войсками 18 декабря¹ страны Антанты больше ничего не выполнили из оговоренного плана интервенции... Одно разочарование следовало за другим. Становилось понятно, что страны Антанты не удовлетворяются просто поддержкой Добровольческой армии, им необходимо вести независимую политику в России. Французы поддержали украинских сепаратистов, которых Деникин считал смертельными врагами... Но самым большим разочарованием было то, что страны Антанты никогда не пользовались силой. У них не был ни возможности — их люди устали, общественное мнение не было единым — ни желания вести крупномасштабные сражения, чтобы победить большевиков. Деникин чувствовал себя преданным.

339. А. С. ПУЧЕНКОВ:

Отношения с Деникиным у гетмана не сложились: в глазах Антона Ивановича «украинствующий» Скоропадский был изменником, поставившим край «в вассальную зависимость от Германии», а значит, ни о каком объединении с ним речи быть не могло...

В окружении Деникина зло смеялись над Скоропадским, утверждая, что тот со временем «раскакается, что сел на германские штыки»... Думается, что Деникин попросту с презрением относился к Скоропадскому, воспринимая его как вчерашнего русского генерала, пошедшего в услужение к вековым врагам России — немцам. Обстоятельства, которые привели Скоропадского в то положение, в каком он оказался, Деникина не интересовали. Естественно, что ни о какой «ревности» Деникина к власти гетмана и речи быть не могло. Антон Иванович и в страшном сне не мог бы увидеть себя в роли гетмана самостоятельной от России Украины, фактически оккупированной немцами...

Помимо всего прочего, падение немцев, кризис гетманской власти, и ожидаемый приход в Крым союзников привели к тому, что Деникин открыто заявил о своих претензиях на Черноморский флот, оставшийся к концу 1918 г. фактически бесхозным. Присоединение это было, по словам Деникина, «номинальное, так как был командный состав, но не было в его распоряжении боевых судов», находившихся в фактическом плену у союзников: вошедшие в Севастополь союзники подняли на русских судах свои флаги и заняли их своими командами.

340. О. А. БУЗИНА:

Краснов писал¹, что не стоит надеяться на союзников, что эти иллюзии только расслабляют белые войска, что две трети донских казаков «не имеют сносных сапог», а одна треть — вообще их не имеют: «обуты в лапти, даже офицеры». Отказываться в такой ситуации от материальной помощи, предложенной гетманом, глупо. Склады в Украине действительно ломились от шинелей, обуви, боеприпасов и даже касок, оставшихся от бывшей императорской армии. Все это имущество, заготовленное еще в пору Мировой войны, можно было теперь бросить против красных. И если гетман предлагает собрать общий съезд представителей Добровольческой армии, Крыма, где существовало отдельное правительство, Кубани и Дона, то нужно пойти ему навстречу и создать общий политический союз. «Нельзя делить шкуру медведя, не убивши самого медведя, — вызвал к Деникину Краснов. — Убить этого медведя каждому из нас порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться».

Но Деникин считал, что только он имеет право на истину. Ему, бывшему выпускнику Киевского пехотного училища, к тому же на половину поляку по матери, хотелось быть в глазах своего окружения вдвойне русским. Да и психологически бывшему киевскому юнкеру казалась оскорбительной сама мысль о какой-то отдельной, даже полунезависимой Украине в составе белой Российской Федерации. «Протянутые гетманом и атаманом руки, — печально констатировал Краснов, — остались не принятыми».

**3.5. А. И. Деникин — главком ВСЮР:
гром побед и горечь поражений****3.5.1. «Гром победы раздавайся»****341. А. И. ДЕНИКИН:**

Добровольческая армия к началу 1919 года имела в своем составе: 5 дивизий пехоты, 4 пластунских бригады, 6 конных дивизий, 2 отдельных конных бригады, армейскую группу артиллерии, запасные, технические части и гарнизоны городов. Численность армии прости-